

Агата Лель

В постели с незнакомцем

«Литнет»

2018

Лель А.

В постели с незнакомцем / А. Лель — «Литнет», 2018

Вера – хорошая дочь, верная подруга, приветливая соседка, и никто даже не догадывается, что с наступлением ночи эта внешне милая девушка примеряет совсем иную маску... Она искренне надеется, что надёжно хранит свои мрачные тайны и даже не предполагает, что за каждым её шагом давно следит Он – мужчина, который тоже имеет несколько лиц. Мужчина с ещё более тёмным прошлым. Загадочный, волнующий и... опасный. #чувства на грани #тайны прошлого #сцены "на нерве"Однотомник!

© Лель А., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

Глава 1. Часть 1	5
Часть 2	6
Часть 3	8
Часть 4	10
Часть 5	14
Часть 6	19
Часть 7	21
Часть 8	23
Часть 9	27
Часть 10	28
Часть 11	30
Часть 12	32
Часть 13	35
Часть 14	36
Часть 15	39
Часть 16	40
Часть 17	42
Часть 18	44
Часть 19	46
Часть 20	48
Часть 21	53
Часть 22	54
Часть 23	55
Часть 24	57
Часть 25	60
Часть 26	63
Часть 27	66
Часть 28	68
Часть 29	71
Глава 2. Часть 30	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1. Часть 1

«Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе»

Эрнест Хемингуэй

— Вы ждали её – и она здесь. Неподражаемая, сногшибательная, таинственная... Матильда-а, — томно растягивая гласные, прошептал голос из невидимых динамиков.

Красный бархат стен отразил нарочитую сексуальность мягкого тембра, и мужчины разом притихли, устремив затуманенный взор на пустой полукруглый танцпол.

Серебристый пилон преломлял свет софитов, тихая музыка с нотками тантры подогревала интерес, распаяя и так донельзя неуёмную фантазию.

Матильда не торопилась, она знала, чем заинтриговать публику. Она знала, какое влияние оказывает на них всех. Чем дольше она тянет – тем желаннее её появление, и тем охотнее эти сытые лоснящиеся рожи расстанутся со своими драгоценными долларами.

— Матильда, детка, помилуй! — выкрикнул кто-то особенно нетерпеливый.

Жёсткие волоски черного каре щекотали шею, лоб под густой челкой взмок от духоты. Казалось, воздух приобрёл плотность и грязным налётом оседал в лёгких.

— Ну же, не томи!

Музыка стала громче, голоса требовательнее, в воздухе витал эротический накал предвкушения.

Опустив на глаза расшитую золотом венецианскую маску, Матильда сделала шаг и под восторженный выдох из толпы ступила на переливающийся блёстками танцпол.

Особо эмоциональные тут же принялись выкрикивать слова восхищения, бросая к её ногам смятые купюры с изображением Бенджамина Франклина. Она поднимет каждую из них, но позже, сейчас же она принялась томно извиваться под ритмы, звучащие в её голове. Ей было плевать на музыку, она слушала мелодию разума.

— Богиня! Ты великолепна!

Десятки сальных глаз, похотливо тянущиеся руки, хрустящие бумажки, впивающиеся в нежную кожу под тонкой тканью полупрозрачных трусиков...

— Я хочу тебя, детка! – выкрикнул бритоголовый и протянул сотенную купюру, демонстрируя золотые Карты на мясистом запястье. В его залитых алкоголем глазах отразилась её соблазнительная улыбка. Отрепетированный оскал на лице, скрывающимся под венецианской маской.

Танцуй, Матильда, ни о чём не думай. Просто танцуй.

Часть 2

— И это всё? Негусто, — разложив деньги веером, Вазген недовольно скривил излишне полные губы. С ювелирной точностью отделил третью часть от стопки и пихнул ей в руки словно подачку. Остальное бережно засунул во внутренний карман пиджака.

Матильда сдвинула брови и, быстро перебирая пальцами, пересчитала купюры.

— По-твоему, этого достаточно, чтобы заткнуть мне рот? Ты за кого меня держишь? Думаешь, я буду потеть здесь ночи напролёт ради вот этого? — яростно швырнула смятые доллары, о чём тут же пожалела.

Вазген безразлично мазнул взглядом на конфетти бумажек у неё ног.

— А ты чего хочешь? Радуйся, что получаешь хотя бы столько. Не нравится — скатертью дорога, — закинул ноги на дубовый стол и достал из коробки кубинскую сигару. Прикрыв глаза, с наслаждением втянул аромат элитного табака.

— И уйду! — процедила она.

— Ну давай, — щёлкнув каттером от Dupont, мужчина «обезглавил» сигару. — Думаешь, тебя везде ждут с распростёртыми объятиями? Взгляни на себя — тебе тридцать, задница покрылась целлюлитом, да и сиськи пора бы подтянуть... И — что уж кривить душой — танцуешь ты посредственно. Иди, и уже завтра я найду тебе замену, — он небрежно махнул рукой и глубоко затаился.

— Моя задница приносит тебе деньги! И побольше, чем другие танцовщицы.

— Милая моя, деньги мне приносит не твоя пятая точка, а образ. Образ, понимаешь? — мечтательно закатил глаза и развёл в воздухе руками. — Им всем нужна она — Матильда, женщина в маске, тайна, их манит её недоступность. И плевать им на то, кто под этой маской скрывается. Матильда — моё детище, фишка этого клуба, можешь проваливать, но использовать этот образ я тебе запрещаю. Посмотрим, как ты пробьёшь себе дорогу без всей этой мишуры.

В груди образовался ком негодования. Ей хотелось вцепиться ногтями в его наглую рожу и вытряхнуть силой положенную долю, но она стояла, продолжая буравить его скрытыми за маской глазами.

— Твоё время ушло, малышка, увы, на пятки наступают восемнадцатилетние конкурентки, — уже мягче произнёс Вазген. — Я держу здесь тебя только по старой дружбе, но даже она не даёт тебе права устраивать истерики, которые портят мне настроение. Если что-то не нравится, ты знаешь, где дверь.

На этом разговор был окончен.

Испытывая унижение, Матильда наклонилась и подобрала разбросанные деньги. Если бы кто-то знал, как она ненавидела сейчас всех и вся. Поджечь к чертям собачьим эту богадельню вместе с гниющей головой!

— Да, кстати, видела лысого мужика в голубом пиджаке? Сидел у самой сцены. Это тот самый Багдасаров, нефтяник. Очень уж ты ему понравилась. Хочет, прямо-таки молит о привате.

— Матильда не танцует приваты! — грубо отрезала она.

— Ты знаешь, наверное, пора ей начать принимать эти заманчивые предложения. Интрига — это хорошо, но постоянные клиенты от неё подустали, им хочется большего.

— Вазген! Мы так не договаривались! Я согласилась остаться у тебя только потому, что...

— Дверь вон там, — недвусмысленно указал на выход.

Стиснув зубы, Матильда развернулась и быстро пошла прочь из кабинета.

— А хотя... я ещё подумаю. Хороших выходов! — крикнул он вслед.

Войдя в тесную, пропахшую сладкими духами и пудрой гримёрку, девушка устало села на продавленный розовый пуф. Буквально всё здесь вызывало у неё отвращение: стены в уродливые цветочки, засаленная софа у плотно занавешенного окна, гардероб, заваленный пошлыми костюмами императриц и служанок, заляпанное жирными отпечатками пальцев зеркало.

Элитный мужской клуб «Магнолия» пользовался популярностью у влиятельных персон мира сего, богатеи слетались туда как мухи на мёд, требуя разнообразных зрелищ. И эти зрелища им с лихвой предоставляли.

Никто не задумывался о том, что за внешне красивой оболочкой привлекательного заведения скрывалось дурно пахнущее нутро. А впрочем, кого это волнует, когда молодая девушка соблазнительно трясёт всеми выдающимися частями тела.

Вазген был прав в одном – насильно здесь никого не держали, и у ворот действительно стояла очередь из вчерашних школьниц с накачанными гиалуроном губами.

Матильда вздохнула и сняла черный парик, стянула с волос резинку: тёмно-русые пряди тяжёлой волной упали на покрытые кружевом пеньюара плечи. Намочив ватный диск, остервенело сняла с глаз густой слой туши, удалила следы красной помады.

Из зеркала на неё смотрел совсем другой человек – женщина с печатью усталости на лице. Самая обычная, каких тысячи. От яркой и уверенной в себе красотки Матильды не осталось и следа.

Она невольно усмехнулась: видели бы эти мешки с деньгами, на кого на самом деле капала их слюна...

Надев через голову свитер с горлом, на ноги узкие джинсы и удобные сапоги на плоской подошве, девушка накинула короткое пальто. Выйдя в серое утро, вдохнула полной грудью ноябрьскую сырость.

Светало, на тротуарах мелькали первые пешеходы; по дорогам, разгоняя сизый туман, мчали навстречу друг другу автомобили. Москва никогда не спит.

За углом раздался короткий сигнал: белый, выдавший виды Ниссан приветливо моргнул фарами.

— Ну как, много сегодня срубила? – подавив зевоту, обернулся таксист Женька.

— Жаль, прицеп не взял, не унесу, — буркнула она, забираясь в прогретый, пропахший никотином салон.

— Ничего, Верка, пусть тебя греет мысль, что я и столько не зарабатываю.

Мотор протестующе прокашлялся и монотонно загудел.

«Знал бы ты, Женя, как эти деньги достаются», — невесело улыбнулась про себя Вера, но вслух лишь пробормотала: — Поехали уже, — и отвесила водиле шуточный подзатыльник.

Часть 3

— Верочка, дочка, это ты? – в коридор вышла сонная старушка в длинной, до самых пят, ночной рубашке.

В комнате было темно, лишь угрюмое утро робко заглядывало в покрытые влажными каплями окна.

— Ну, а кто же ещё? Мам, почему ты не спишь? – прошептала Вера, снимая с уставших ног сапоги.

— Тебя ждала. Совсем ты не отдыхаешь с этой работой! Тебе же на смену вот-вот собираться, не поспала ведь даже, — раздосадовано покачала головой мама и помогла снять пальто.

— Ничего, выкрою минут пятнадцать, в ординаторской вздремну. Ты лучше иди, сама поспи, рано ещё.

— Вер, а может, всё-таки уволишься? Ну что это за работа такая – официантка! Я по новостям смотрела – медикам обещали зарплату повысить, да и у меня пенсия, слава Богу, какая-никакая, как-нибудь проживём, — завела старую песню родительница, следуя по пятам за дочерью.

Вера щёлкнула выключателем – маленькую кухню осветила тусклая сорокаваттная лампочка, но даже такой свет больно ударил по глазам, заставив поморщиться.

— Ну, ты скажешь тоже! А ипотеку мы чем платить будем? Жить на что? Да и лекарства сейчас дорого стоят, — чиркнув спичкой, подожгла под пузатым чайником конфорку.

— Ну, не солидно же медработнику бездельникам горячее да рюмки подносить! Зря ты образование получала, что ли? Да и волнуюсь я за тебя – работа, работа, никакой личной жизни... — вздохнула Зоя Пална, присаживаясь на край обшитой бежевым кожаменителем табуретки.

— Мам, ну чего ты? – Вера села рядом и приобняла женщину за хрупкие плечи. – Нормально у меня всё, не жалуюсь. А то, что женихов нет – так они мне и не нужны. Нам с тобой что, плохо вдвоём живётся? Хотим – варенье едим, хотим – пряники.

Мама тепло улыбнулась и накрыла ладонь Веры сухонькой рукой. В глазах блеснула влага.

— Я вообще-то до внуков дожить хочу...

— Но-но, отставить слёзы, а то сахар опять поднимется! Будут тебе внуки. Вот ипотеку выплатим, и сразу же начну кандидата в депутаты искать.

— Ох, Верка, ну с тобой серьёзно вообще не поговорить, — рассмеялась мама, смахивая с морщинистых век набежавшие слёзы.

— Всё, иди. Я чай попью и полчаса до работы урву, — Вера помогла ей подняться и выпроводила из кухни.

Сердце разрывалось видеть её такой. Чуть что – глаза сразу же на мокром месте. Валерьянку горстями пьёт.

Так тошно стало от собственного вранья. Официантка... Да какая, к черту, официантка! Если она узнает, что дочь в ночном клубе перед мужиками сиськами трясёт – это её убьёт. Она ведь гордится ей, перед соседками хвалится – какая Вера у неё умница, на двух работах пашет, чтобы семью прокормить.

Вера бы и рада была завязать с опостылевшим стриптизом, но как ещё в наши дни на плаву удержаться? Тем более в Москве! Ипотека сжирает бешеную часть средств, в больнице зарплата нищенская – что там медсёстры получают? Хочешь жить не хуже других – и не так раскорячишься.

Год от года она говорит себе, что это временно, что бросит, и даже несколько раз порывалась оставить шест, но потом, стоило только представить, какая жизнь их ждёт без этих денег, сразу же надевала ненавистный парик и маску.

Но она верила, что однажды судьба подарит ей шанс вырваться из нищеты, в конце концов, должен же быть свет в конце туннеля?

Хотя, может, и не заслуживает она этого света. С её списком грехов – прямая дорога в ад. Но, даже осознавая это, хотелось всё-таки пожить если и не красиво, то хотя бы достойно. А ещё она была обязана снять с души давящий груз, который вот уже несколько лет не давал спать спокойно: ночные кошмары стали её верными спутниками, визиты к психотерапевту – единственным шансом не сойти с ума. Но она верила, что как только выполнит данное самой себе обещание, то сразу всё изменится. Но для этого ей тоже были нужны деньги. Большие деньги. Замкнутый круг, из которого пока что не было выхода.

Часть 4

— Верунчик, это тебе, — на стол приземлился бумажный стакан кофе из автомата.

Божественный аромат сразу же придал бодрости, а первый крошечный глоток и вовсе вдохнул жизнь в вымотанное за ночь тело. Вера с наслаждением прикрыла глаза и расплылась в довольной улыбке.

— Лёшка, ты настоящий друг!

— Вот, друг звучит уже лучше, чем просто коллега, — стянув с головы колпак с крошечными черепами, Лёшка плюхнулся на свободный стул, скрестив длинные ноги в синих больничных брюках. На груди болтался криво прицепленный к кармашку бейджик: "Ненахов Алексей Михайлович, анестезиолог-реаниматолог".

Вера совсем не к месту вспомнила, как однажды они со Светкой – сменщицей из реанимационного отдела – подсунули ему в бейдж карточку с женским именем, и Лёшка весь день проходил Оксаной. Но вместо того, чтобы отчитать девчонок, он подрисовал на их фотографиях рожки.

Детский сад – штаны на лямках, а ещё людям жизни спасают.

— Вер, так ты в каком ресторане-то работаешь? Может, я тебя забирать после смены буду? А что – мне не трудно. Я тебе комфорт, а ты мне поцелуйчик.

— Размечтался, Ненахов! Да и к тому же нас по домам на такси развозят, — отбрила Вера, убирая за ухо выпавшую прядь.

Легенды о подработке официанткой приходилось придерживаться и на работе. Меньше всего она хотела, чтобы кто-то из сотрудников или пациентов ЦРБ узнал в ней стриптизёршу из клуба. Именно поэтому она выступала в маске, так возможность узнать в Матильде медсестру Донскую Веру была сведена практически к нулю. Она сама себя в этом маскараде не узнавала, не то что другие. Хотя мужчины, которые посещают "Магнолию", и не лечатся в обычных районных больницах, где одна палата на четверых и общий душ на этаже.

— Вот не понимаю я тебя, Донская, неужели не хочется, чтобы кто-то приласкал, обогрел холодной ночью...

— Отопление у нас уже включили, а у вас разве нет?

— Всё шутишь, ну-ну. Так и просидишь до старости. Котёнка тебе подарить, что ли...

— Помнится, что ты с Аллой из хирургии заигрывал, всё, завяли помидоры? – игриво прищурилась Вера.

— Да что мне Алла, вот ты – дело совсем другое. Я, может, жениться на тебе хочу, — Лёшка взъерошил торчащие иголками тёмные волосы и хитро улыбнулся. На щеках образовались две очаровательные ямочки.

Ненахов в их больнице слыл главным соблазнителем, и все женщины – от неразумных девчушек до престарелых матрон – просто таяли от его обаятельной ухмылки и синих глаз с томной поволокой. Пользовался он своей популярностью напрапую, отказа не знал, и единственная, кто посмел не попасть под каток его неоспоримого великолепия – это Донская.

Хотя Вере Лёшка в принципе тоже нравился, но слишком уж хорошо она знала своего коллегу, и его кобелиная сущность её совсем не устраивала. Похожего контингента она в клубе насмотрелась, и против подобного типа мужчин у нее стояла пожизненная прививка.

Дверь в ординаторскую распахнулась, запустив в тесный кабинет шум больничного коридора.

— Верка, иди, Эдуард Соломонович вызывает, — произнесла запыхавшаяся Алла и многозначительно кивнула в сторону кабинета главврача.

— Опачки, и в чём это наша красавица провинилась? – густые брови Ненахова взметнулись вверх.

— Понятия не имею, — пожала плечами Вера и залпом допила остывший кофе.

Покровского Эдуарда Соломоновича в больнице недолюбливали и старались по возможности с ним не пересекаться. Крутой нрав, гневные взгляды и громогласный бас заставляли трепетать всех без исключения – врачи его боялись, не говоря уже о простых медсёстрах. Что ему от неё понадобилось? Вера прямо-таки терялась в догадках, пока следовала к его кабинету, бесшумно ступая по белоснежной плитке подошвой мягких рабочих тапочек.

В голове сигнальным маяком вспыхнула мысль – Покровский узнал о её маленькой тайне, но Вера старалась держать паранойю в узде и не паниковать раньше времени.

Постучав, приоткрыла дверь:

— Эдуард Соломонович, вызывали?

Главврач поднял на неё угрюмый взгляд и молча кивнул на стул, удерживая плечом телефонную трубку.

Вера присела на краешек табурета, нервно теребя пальцами уголок форменной бледно-голубой рубашки. Она не была робкого десятка, забитой или зажатой, но в кабинете этого властного мужчины всегда терялась.

Украдкой взглянула на начальника: чуть за шестьдесят, коротко стриженные седые волосы, кустистые брови, густые усы, переходящие в стильно оформленную бородку. На безымянном пальце тонкое обручальное кольцо.

Все в больнице знали, что Эдуард Соломонович – страшный крохобор и взяточник, но вслух он это брезгливо порицал, запрещая брать денежные вознаграждения от благодарных пациентов и их родственников. Звучало это смешно, особенно если учесть, что совсем недавно Покровский припарковал на больничной стоянке новенький БМВ последней модели, и все без исключения знали, на какие шиши он его приобрёл. Знали, но, конечно, помалкивали. Наживать врага в лице руководства никто не хотел.

Положив трубку на рычаг, главврач сцепил крупные пальцы в замок и внимательно уставился на Веру. Взгляд скользнул по мочкам ушей, шее, ниже...

Он знает. Он точно знает, — мелькнуло у неё.

Словно очнувшись, Эдуард Соломонович перевёл глаза на её хорошенькое лицо и вдруг улыбнулся.

— Вера Леонидовна, Верочка... Вы какая-то бледненькая, гемоглобинчик бы проверить не помешало.

— Благодарю за заботу, но я совершенно здорова, совсем недавно мы проходили плановый медосмотр, — вежливо поблагодарила она и ответила на улыбку.

И чего он медлит? Говори уже, старый конспиратор!

— Я слышал, что помимо работы в нашей больнице вы ещё подрабатываете где-то...

Вот, уже ближе к делу.

— Да, официанткой в круглосуточном ресторане. Несколько лет назад мы с мамой взяли квартиру в ипотеку, приходится крутиться, сами понимаете.

— О, да, это да, нынешние цены просто космические, — понимающе закивал Покровский.

Кто бы говорил! Цена за его БМВ полностью бы покрыла остаток долга за их квартиру. Если у него автомобиль такой, то она даже не бралась представлять, в каких хоробах он проживает.

Эдуард Соломонович закончил играть роль понимающего дядюшки и вперил в неё пристальный взгляд:

— Вот как раз по этому поводу я вас и позвал. Есть у меня для вас одно заманчивое предложение...

Вера внутренне напряглась. К чему это он клонит?

— Один мой, скажем так, знакомый – очень уважаемый в городе человек – ищет сменную сиделку для своей жены. Женщина вышла из долгосрочной комы, думаю, вы понимаете, в каком она сейчас состоянии...

Конечно, Вера понимала. В девяноста пяти случаях из ста люди, вырванные из цепких лап комы, неизбежно переживали апаллический синдром, или простым языком – впадали в вегетативное состояние. Люди-овощи – как бы ужасно или цинично это ни звучало. Это страшно, это вечная боль для родных и близких. Уж лучше смерть, чем смотреть на мир стеклянными глазами, питаться через трубочку и ходить под себя.

— Сочувствую вашему знакомому и бедной женщине, но, Эдуард Соломонович, если вы хотите предложить мне ухаживать за больной, то, боюсь, я вынуждена отказаться. Я никогда...

— Верочка, ну ведь вы даже не выслушали условия, не узнали, сколько он согласен платить, — Покровский неспешно поднялся и, заложив руки за спину, медленно заходил по кабинету. — А я хочу вам сказать, что человек он очень щедрый, да и работа не такая уж и пыльная: ставить по часам ноотропы и нейропротекторы, кормить через зонд, ну... и ещё там по мелочи. Дома у них есть всё оборудование, по последнему слову техники.

— Но как же... переодевать, купать, сфинктеры таких больных работают произвольно. Это очень трудоёмко, да и... — Вера замялась, не зная, как сказать о том, что менять памперсы совершенно чужому человеку – занятие не для брезгливых. И хотя в больнице она всякого перевидала, но идти на это добровольно...

— Основную часть всех малоприятных процедур берёт на себя ночная сиделка, ваши же обязанности до безобразия просты, но сколько он готов платить за это – поверьте, Верочка, вам и не снилось! Ха-ха, Верочка – верьте, какая занятная тавтология, — хохотнул Покровский и подошёл сзади. Слишком близко. От его халата фонило табаком и цветочным ополаскивателем для белья. Стало чертовски неудобно. К счастью, он быстро ретировался к окну, разглядывая за мутными стёклами облысевшие скелеты деревьев.

— Мне просто жаль вас, Верочка, тянете всё на своих хрупких плечах. На вашем месте я бы не раздумывая согласился, подобными предложениями не разбрасываются.

— А... сколько он обещает платить? – всё-таки задала тревожащий вопрос Вера. Ей не хотелось показаться алчной... а хотя – какого хрена! Деньги нужны всем, и уж кому как не ему это знать.

— Много, Вера, столько, что если бедняжка протянет ещё пару лет, вы полностью закроете долг перед банком, — Эдуард Соломонович обернулся и окинул её нетерпеливым взглядом. — Конечно, если вы не хотите, я могу предложить эту должность кому-то другому. Уверен, найдется немало желающих на такие довольно-таки лёгкие деньги.

— Нет, подождите! – заволновалась она, не желая потерять столь выгодное предложение. — А график? Смогу ли я совмещать две работы?

— А вот об этом вы поговорите непосредственно с работодателем, уверен, вы легко придёте к взаимопониманию, — произнёс Покровский и как-то странно на неё посмотрел.

Вера вышла из кабинета в ещё более растерянных чувствах, чем заходила. В руках она сжимала сложенный вчетверо листок с именем и адресом работодателя – мужа этой бедняжки.

Облокотившись о подоконник, взглянула на наспех нацарапанные каракули главврача: Назар Туманов, ниже номер телефона.

Всё это было очень и очень странно. Почему именно она? Почему Эдуард Соломонович так настойчиво внушал, что эта работа непременно придется ей по душе? Буквально-таки заставил забрать контакты этого мужчины.

А его показная вежливость? Растекался плавленной карамелью, что вообще на него не похоже.

Но если опустить все странности, то предложение действительно было заманчивым. Даже слишком. Если убрать моральную составляющую, то это прямо-таки работа мечты. И главное, за большие деньги...

Неужели человек со средствами и наверняка связями не мог нанять для своей жены сиделку через специализированное агентство? Почему именно она – простая медсестра из районной больницы?

Столько вопросов и ни одного ответа.

В любом случае, она решила, что позвонит этому Туманову и разузнает всё подробнее. В конце концов, насильно принять это предложение её никто не заставит.

Часть 5

Аккуратно ступая по ковру сухих еловых иголок, Вера настойчиво пробиралась к дому, следуя по указанному на листке адресу. Каблуки полусапожек впивались в мёрзлую землю, подошвы облепили пожухлые листья. Знала бы – обула бы что-то более подходящее.

Оказалось, что Туманов этот живёт не в Москве, а Подмоскowie, и причём не самом ближнем, пришлось тащиться на электричке, а потом ещё двадцать минут на автобусе. Пока ехала, за окном мелькал бескрайний лес, лишь изредка радуя глаз торчащими среди разлапистых елей крышами шикарных загородных домов.

И зачем было забираться так далеко от цивилизации? Понятно, что природа, свежий воздух, но ведь сам чёрт ногу сломит, пока найдёшь!

Сосны, сосны, сосны – голова кружилась от обилия деревьев и чистейшего озона.

Под ногой громко хрустнула ветка; кто-то мелкий и шустрый – то ли белка, то ли кошка – молниеносно перебежал Вере дорогу, заставив девушку вздрогнуть и попятиться назад. Сердце сковало необъяснимой тревогой.

Вера украдкой обернулась – никого.

Как в фильме ужасов, честное слово. И как тут люди живут!

Наконец-то впереди показался долгожданный коттедж. За высоким монолитным забором из красного кирпича торчала лишь покрытая коричневой черепицей крыша.

Одинокий дом в чаще леса – прекрасное пристанище для маньяка-психопата.

Надавив на кнопку дверного звонка, она попыталась представить себе этого Туманова, почему-то он виделся ей высоким как жердь, тощим, угрюмым – как раз под антураж жуткого местечка.

Дверь резко распахнулась, и в проёме, кутаясь в синюю «дутую» куртку, нарисовалась конопатая, совсем ещё юная девчонка.

— Привет, — широко улыбнулась она, обнажая ряд мелких зубов с крупными расщелинами. – Вы по поводу работы? А мы вас ждём.

И сразу на душе стало как-то спокойнее. Вера вежливо ответила на улыбку и последовала за девчонкой, гадая, кто же она такая. Может, дочь Тумановых?

Коттедж на деле оказался вовсе и не коттеджем, а настоящим дворцом из средневековья. Огромный, мрачный и будто неживой. Стены из серого камня, десятки черных глазниц окон; левая сторона дома заросла диким плющом – тронутые заморозками лианы словно густой ковер облепили целое крыло. По бокам от главного входа две идентичные скульптуры греческих богинь – выгибаясь в причудливых позах, они будто молили забрать их из этого неприветливого места.

— Как добрались? – подала голос девчонка, топая по заиндевевшей каменной тропинке. – Все, кто попадает сюда впервые, жалуются, что далеко, дом найти невозможно.

— Ну, если честно, то да, немного проблематично, — снова улыбнулась Вера, не зная, как себя с ней вести.

Проходя мимо покрывшегося мхом фонтана, бегло заглянула внутрь – россыпь гнилых листьев, мусор, птичьи перья и фекалии. Дорожка тоже подметена абы как. По ходу, в этом доме не замораживают с порядком.

Отворив тяжёлую дверь, конопатая жестом пригласила войти гостью в дом, после чего незаметно испарилась. Вера осталась в гостиной совершенно одна и от нечего делать осмотрела помещение.

Внутри было не менее мрачно, чем снаружи: высокие окна занавешены плотными гардинами, массивная кожаная мебель, камин с обгоревшими головешками поленьев, а по цен-

тру возвышалась массивная лестница. Проследив взглядом за убегающей по ступеням красной дорожкой, Вера наткнулась на внимательно наблюдающего за ней мужчину. Очень... сурового мужчину.

Тот, постояв ещё долю секунды, прихрамывая спустился вниз. Слегка за семьдесят, полностью лысый, цепкий взгляд почти прозрачных голубых глаз.

— Вы Вера? – проскрипел он, трогая набалдашник своей трости.

— Да, я звонила вчера по поводу работы сиделкой.

— Помню. Нам вас рекомендовали.

— Меня рекомендовали? – Вера едва не поперхнулась. Неужели Покровский? Но с чего это вдруг с его стороны такая трогательная забота?

Сжав губы в тонкую ниточку, мужчина долго изучал её глазами, после чего коротко произнёс:

— Идёмте за мной, — и снова пошёл вверх по лестнице.

Вера в некоторой растерянности направилась следом. С портретов вдоль лестницы на неё смотрели лица незнакомых людей. Угрюмые, с опущенными вниз уголками губ, в причудливых старинных нарядах. Мужчины, женщины, дети. Они будто провожали её мертвыми глазами.

Вдоль позвоночника пробежала стайка мурашек. Склеп – моментально возникла навязчивая ассоциация.

— Вчера вам коротко обрисовали ситуацию, верно? – не оборачиваясь, произнёс хозяин дома, тяжело переступая со ступени на ступень.

— Да, со мной говорила женщина.

— Это Ира, постоянная сиделка. Она с нами с самого... — запнулся, — ... с самого начала. Идёмте, — миновав широкий коридор с множеством запертых комнат, старик затормозил возле одной из дверей и, аккуратно надавив на ручку, отворил двойные дубовые створки.

Небольшую комнату освещал серый дневной свет. Шкаф, старинный письменный стол, трюмо с резной рамой зеркал, картина с изображением цветочного луга, а по центру, словно пришелец из будущего – кровать с подъёмным механизмом, резко контрастирующая с выдержанным интерьером.

Белоснежная постель была пуста.

Вера проследила за взглядом мужчины, и в его глазах отражалась такая вселенская боль... Невыносимая. Он весь словно сжался, став меньше и беззащитнее.

Он смотрел на неё – женщину в инвалидном кресле возле окна. Та, склонив голову набок, безучастно гладела перед собой. По подбородку стекала тонкая ниточка слюны.

Не старая – немногим больше сорока, на обескровленном лице всё ещё сохранились следы былой красоты. Хрупкие ладони с синей сеточкой вен покоились на подлокотниках кресла. Но что больше всего поразило Веру, это её маникюр – идеальные, покрашенные вишневым лаком ногти, что ещё больше оттеняло мертвенную бледность кожи.

— Это... Лариса... – слегка прокашлявшись, произнёс мужчина. Подойдя ближе к больной, аккуратно, словно касаясь фарфоровой куклы, положил руку на её хрупкое плечо. – Около трёх лет назад она вышла из комы, и... — глубоко вздохнул и внезапно надолго замолчал, разглядывая за окном бесконечные макушки елей. – В общем, вы сами всё видите. Ей нужен должный уход. Самый лучший.

— Конечно, я всё понимаю, — ответила Вера, на самом деле ни черта не понимая.

Вернее, она видела, что перед ней сидит женщина – восковая кукла, клетки мозга которой давно умерли, но сердце которой упорно продолжало биться.

Вера не понимала другого: что она сама здесь делает? Этот жуткий дом, эта гнетущая атмосфера, эта женщина с печатью обречённости в глазах... С ума же можно сойти, день ото дня наблюдать эту удручающую картину. Мало ей, что ли, негатива в жизни?

— Зарплата два раза в месяц, о графике договоритесь с Ирой, она сейчас подойдёт. Она же расскажет о препаратах, уходе и... всё остальное... — договорил мужчина, и из него словно выкачали воздух, настолько он выглядел несчастным.

— Назар... простите, я не знаю вашего отчества, но прошу вас – крепитесь. Просто знайте, что вашей жене не больно, она ничего не чувствует, её нервные окончания атрофированы...

— Она не моя жена! Лариса – моя дочь, — грубо отрезал мужчина и снова превратился в того старика с надменным взглядом, которого Вера встретила у лестницы.

— Пётр Васильевич... а, вы уже здесь, — на пороге появилась запыхавшаяся полная женщина, удерживая под мышкой серую коробку. — Забрала лекарства, наконец-то. А вы, наверное, Вера? – потянула руку, и Вера, кивнув, слабо её пожала.

— Ира, введите в курс дела новенькую, я на вас полагаюсь, — не прощаясь, старик покинул комнату.

— Бедный Пётр Васильевич, просто сердце сжимается, — покачала головой Ира и размотала с мясистой шеи весёлый шарфик в разноцветную полоску. – Больше трёх лет уже прошло, а он всё никак не может смириться. Но это понятно – дочь, единственная и любимая.

Вера взглянула мельком на Ларису – та сидела и так же безучастно смотрела перед собой. На её безразличном лице не читалось абсолютно никаких эмоций. Словно та статуя у входа – застыла, доживая отмеренный ей век в своём аморфном мире.

— А кто он? – осторожно спросила Вера.

— Петр Васильевич? Ты что, не знаешь Крестовского? Ну ты даёшь! – Ира хохотнула и как ни в чем не бывало перевезла Ларису в другой угол комнаты. – Банк «Инвест Траст» знаешь?

Вера кивнула. Ещё бы она не знала, ведь именно там ей прописали кукиш и отказали в ипотеке.

— Так вот, Крестовский – его отец-основатель. Ещё у них сеть пекарен, ресторанов, ну и там ещё по мелочи.

Открыв дверь кладовой, Ира вывезла тележку с целой горой медицинских препаратов: разнообразие баночек и блистеров, мази от пролежней, шприцы, зажимы, трубки. Масса всякой всячины.

— Он здесь не живёт сейчас, приезжает раз в неделю-две и часами сидит, разговаривает с ней, словно со здравомыслящей, — отодвинув стойку капельницы, зашуршала пакетами с одноразовыми перчатками. — Я тебе оставляю подробный график приема препаратов и кормления, с лекарствами, думаю, тоже всё понятно, да? Вот здесь у нас ноотропы, тут витамины, здесь препараты, улучшающие кровообращение, нейропротекторы, — бегло поясняя она, указывая пухлой рукой на поделенный на отсеки поддон с лекарствами. – Да что я тебе рассказываю, ты же человек опытный, разберёшься.

Я опытный? Вера удивлённо заморгала. Нет, конечно, ей были знакомы все эти названия, но на практике она никогда не ухаживала за подобного рода больными! Кто дезинформировал этих людей? Для чего?

— В восемь вечера приезжает ночная сиделка, она сама приготовит Ларису ко сну и сделает все необходимые гигиенические процедуры, — набрав в шприц Компламин, Ира приподняла рукав свободной кофточки Ларисы. Из тоненькой руки с прозрачной кожей торчал венозный катетер. Вера с грустью последила за тем, как ловко Ира ввела препарат.

Какой толк от всех этих лекарств, они никогда не вернут женщину к жизни и разуму. Это лишь иллюзия, надежда для убитого горем отца, который готов отваливать любые деньги, лишь бы его дочь просто дышала, пуская слюни в воротник брендовой кофточки.

Ира отвернулась к тележке за другим препаратом, как вдруг совершенно неожиданно Лариса скривилась, выпучив что есть силы глаза.

От неожиданности Вера вскрикнула, зажав рот ладошкой.

— Господи! Она... она...

— Ты чего это? – покосилась на неё Ира. – Никогда рефлекторных подрагиваний не видела? Кстати говоря, это прогресс, раньше и этого не было. Ещё бы жевательный и глотательный рефлекс восстановился... Да, вон в том холодильнике всё необходимое: питательные смеси, бульоны...

Приводя дыхание в порядок, Вера перевела взгляд на небольшой холодильник, установленной внутри кладовой. Там же находилось ещё одно сложенное инвалидное кресло, стопка чистых полотенец, стойки капельниц, прибор для экстренной вентиляции лёгких.

Увиденное удручало, нагоняя тоску. Зачем это всё – роскошь, деньги, регалии, если нет главного – здоровья.

Лицо Ларисы снова стало прежним, но глаза... казалось, что что-то изменилось в её взгляде. Он стал каким-то другим. Или это только казалось?

— Ира, а... она точно нас не понимает? – не сводя глаз с дочери Крестовского, поинтересовалась Вера.

— Абсолютно, — твёрдо отчеканила женщина. – Хотя последняя МРТ показала крошечную активность в левом полушарии, но это капля в море. Увы, у бедняжки устойчивое вегетативное состояние, и шансы выбраться из него у неё равны нулю. Но, разумеется, Пётр Васильевич не устает верить в обратное. Вот, на, посмотри медицинскую карту... — Ира протянула пухлую папку, и Вера, открыв больше из вежливости, чем интереса, бегло взглянула на первую страницу.

Ей было здесь неуютно, чувство тревоги не отпускало ни на минуту. Она не было уверена, что хочет всем этим заниматься, день за днём наблюдать эту удручающую картину... Это же чистой воды мазохизм!

Что-то громко ударилось о карниз, Вера вздрогнула, едва не выронив папку. Огромный черный ворон сидел по ту сторону стекла, внимательно наблюдая за ней блестящими чёрными глазами.

Нет, это уже слишком! К чёрту! Не её это. Работа в больнице – это одно, а здесь царил такая тяжёлая аура, что хотелось бежать со всех ног, не оборачиваясь.

— Ира, послушай, я тут вспомнила, что...

— А, кстати, это аванс, — толстушка передала заклеенный белый конверт. – Завтра пораньше приезжай, ночная сиделка ещё будет здесь, она тоже введёт тебя в курс дела. Научит, как правильно пересадить Ларису в кресло. Ой, я сейчас, на минутку... живот прихватило, — шепнула она, прижав ладони чуть ниже пупка. Хлопнув дверью, убежала в коридор.

Вера осталась с Ларисой одна, в оглушающей тишине дома-склепа. Как же здесь жутко! И хоть отец бедняжки постарался, чтобы комната как можно меньше напоминала больничную палату, но Вера чувствовала въевшийся в стены запах медикаментов. В воздухе витал аромат антисептика и чего-то ещё, приторно-тошнотворного... Голова закружилась, стало трудно дышать. Началась самая настоящая паническая атака.

Нет, пожалуй, она откажется. Деньги деньгами... но...

Вера приподняла конверт и посмотрела на свет, разглядывая содержимое. Конверт был приятно тяжёлым, стало интересно, сколько же готов платить Крестовский за комфорт своей единственной дочери.

Аккуратно отсоединив липкий слой, заглянула внутрь и буквально потеряла дар речи. Даже не пересчитывая, она увидела, что это больше, чем она зарабатывает за месяц в "Магнолии". И это только аванс!

Перед глазами замелькали возможности, которые станут осуществимы благодаря этим деньгам. Она раньше времени погасит ипотеку, отправит маму в санаторий поправить здоровье, оставит ненавистную работу в клубе в конце концов! Но главное, она сможет выполнить

данную самой себе клятву... С помощью этих денег она хотя бы частично снимет камень с души.

Ей нужна эта работа!

— Ужас, больше никогда не куплю чебурек в шаурмичной у метро, — выдохнула раскрасневшаяся Ира, появившись на пороге комнаты.

— Так и во сколько мне завтра приехать? – с улыбкой спросила Вера, засовывая конверт в сумку.

Часть 6

Выходила из комнаты Вера уже в совсем другом настроении – приподнятом, мечтая о том, как скоро жизнь её кардинально изменится. И коридор уже не показался таким мрачным, и портреты у лестницы такими неприветливыми.

Да, дом жутковат, но у них в квартире в комнате матери вообще ковёр на стене висит, вкусы у людей разные.

— Ну, как прошло собеседование? – улыбнулась конопатая, подавая Вере пальто.

— Всё хорошо, завтра приступаю к работе, — Вера нырнула в тёплый драп и проворно заработала пальцами, застёгивая крупные пуговицы. — А... вы кто? Родственница Крестовских?

— Я? Да вы что! Не-ет! – всплеснув ладошками, девчонка весело захохотала. — Я Аня, горничной здесь работаю. А мама моя кухаркой трудится.

— Моя мама тоже когда-то работала поваром. В детском доме.

— Правда? Прикольно! – искренне зародовалась Аня и принялась безостановочно щебетать, придя в неопиcуемый восторг, что в этом дворце-склепе наконец-то появились свободные уши.

— А тут есть зеркало? – Вера начала озиpаться в поисках, на ощупь поправляя ладонью растрёпанные пряди, как вдруг её взгляд слово врезался в непробиваемую стену.

В кожаном кресле в застывшей позе сидел мужчина. Она не видела, во что он одет, красив он или безобразен, она словно сцепилась в схватку с его глазами цвета расплавленной ртути.

Потерпев поражение, отвернувшись, дрожащими руками воюя с последней непослушной пуговицей.

Этот взгляд напугал её даже больше, чем жуткий лес, картины-призраки и безразличная Лариса. И даже сейчас, стоя спиной к нему, она словно ощущала ледяные выстрелы в затылок.

Кто он такой? Сын Крестовского? Но Ира сказала, что у него только одна дочь.

Любопытство пересилило, и Вера снова взглянула на мужчину, украдкой разглядывая его через отражение в большом настенном зеркале.

Он смотрел прямо на неё. Молодой, с идеально гладкой кожей и аккуратно зачёсанными назад тёмными волосами. Строгий костюм словно подбирался в тандем к глазам – холодный серый, ворот чёрной рубашки небрежно расстегнут, оголяя часть груди с темнеющим пятном татуировки. На него хотелось смотреть не отрываясь, и в то же время было желание отвернуться, стряхнуть с себя его цепкий взгляд.

Кое-как намотав палантин, Вера с огромным облегчением вышла на свежий воздух и, стуча каблуками по припорошённой выпавшим снегом тропинке, торопливо убегала подальше от этого жуткого дома с его не менее жуткими обитателями.

Незамолкающая Анечка семенила рядом, что-то воркуя о Ларисе, её отце, их баснословном благосостоянии. В другой раз Вера с удовольствием бы послушала подробности об этом странном семействе, но сейчас пропускала слова Ани мимо ушей, всё ещё никак не отойдя от встречи с таинственным парнем в гостиной.

— Аня, а... кто это был? Тот мужчина? – решила-таки задать вопрос.

— Какой такой?

— Ну... у камина сидел, в кресле.

— А, так это Назар. Назар Ренатович, муж Ларисы Петровны.

— У Ларисы есть муж? – изумилась Вера. Почему-то эта мысль даже не приходила ей в голову. — Но он же... — осеклась, почувствовав, что лезет не своё дело.

— Моложе, ага. Лет на пятнадцать, — Аня хихикнула и зачем-то обернулась. — Сама не пойму, как такой красавчик мог жениться на этой старухе.

Распрощавшись у ворот с Аней, Вера, вздрагивая от холода, торопливо шагала к автобусной остановке. Колючий снег бил по лицу, заставляя щуриться и брести практически наугад, едва разбирая дорогу.

Где-то над головой хрипло прокаркала ворона — эхо, словно невидимый брат-близнец, в точности отразило горластую подругу.

Ни дать ни взять — зарисовка к низкопробному хоррору. Единственное, что грело — это увесистый конверт на дне сумки. Её золотой ключ в другую жизнь.

Но этот взгляд... он пуще холода пробирал до самых костей, заставлял ёжиться и сомневаться в правильности своего решения.

Сталь его глаз напомнила ей то, что она с таким трудом заставила себя забыть...

#####

Прошрое

#####

Туда. Вперёд. Не оглядывайся.

В груди жгло от распирающих нутро горячих лёгких, в незастёгнутые сапоги забился снег, обжигая босые ступни.

Споткнувшись, рухнула плашмя в утрамбованный сугроб. Медлить нельзя. Он близко. Не смахивая с оцарапанных коленей налипший снег, рванула дальше.

Не показывай, что боишься. Просто беги.

Вот он, склад. Хлипкий ржавый замок покачивался от порывов ледяного ветра. Едва разгибая окоченевшие пальцы, схватила за промёрзший кусок железа и дёрнула что есть силы...

Часть 7

Хлопья снега били по подоконнику, оставляя на стёклах мокрые лепёшки. За окном непроглядная темень; жёлтый свет тусклой лампочки навевал зевоту, заставляя глаза слипаться.

— Вер, ты чего это грустная такая, голова болит? – тревожно спросила мама, заглядывая дочери в уставшее лицо.

— Ага, плохо спала.

Зоя Пална заметно напряглась.

— Снова кошмары?

— Ой, мам, вся жизнь моя сплошной кошмар, — увильнула Вера, нацепив улыбку. — Ты чего так рано опять вскочила? Ну что я, одна, что ли, не соберусь? Ты со мной как с маленькой! Иди поспи лучше.

— Ну что ты заладила – спи, спи! На том свете выплусь, — отмахнулась Зоя Пална и достала из морозилки заиндеветый кусок сливочного масла. — А вот тебе не мешало бы отдохнуть – три работы сразу, это же уму непостижимо!

— Ну, это пока три, если всё устроит у Тумановых, то из ресторана уйду. В больнице сутки-трое, два через два сиделкой, даже выходной один останется между сменами. Это я, считай, отлично устроилась. Хочешь жить – умей вертеться, — Вера вонзила нож в ледяной брикет. — Да и к тому же работа там не слишком сложная, можно сказать, целый день без дела сидеть буду.

Мама поставила локти на стол и, уронив подбородок на сцепленные в замок пальцы, задумчиво уставилась в темный прямоугольник окна.

— А из-за чего она такая стала, девочка эта?

— Лариса? Не знаю, — Вера пожала плечами и задумалась.

А ведь действительно, из-за чего? В карточке у неё написано, что произошло поражение полушарий головного мозга, острая гипоксия, и как следствие – продолжительная кома. Причин может быть много: травма головы, интоксикация, инфекционное воздействие, удушение...

Перед глазами почему-то сразу же появился образ этого Назара. Его холодный стальной взгляд, пронизывающий до самой глубины души. Именно он никак не давал Вере покоя. Всю ночь она ворочалась, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Но что её беспокоило больше всего – это вновь вернувшиеся сны, кошмары, которые мучили её годами, перемежаясь один с другим. После работы с психотерапевтом они на некоторое время остались в прошлом, но вдруг вернулись сегодня ночью, и именно после встречи с Тумановым.

Совпадение, безусловно. Но оно тревожило. Душу царапало непонятное предчувствие. Непонятное и неприятное. В самой глубине, на уровне инстинкта.

— Ладно, побегу, а то на электричку опоздаю, — Вера поднялась и затолкала в рот последний кусок бутерброда, торопливо запивая завтрак чаем. Мама собрала опустевшие чашки и с лёгким звоном опустила посуду в раковину.

— Может, сядешь снова за руль? Быстрее насколько будет и проще тебе. Всё по вагонам не отираться.

— Нет, за руль точно нет! – твёрдо отчеканила Вера, просовывая руку в рукав пальто. — Мы же уже сто раз говорили об этом.

— Тогда продала бы уже машину, что ли... Три года стоит в гараже, ржавеет, — вышла в коридор Зоя Пална, вытирая руки о вафельное полотенце.

— Может, и продам... подумаю, — буркнула Вера, не желая развивать эту неприятную для неё тему.

Её маленькая Киа, купленная когда-то в кредит, действительно вот уже почти три года бесхозно пылилась в арендованном гараже.

Когда-то она любила скорость, драйв, любила ездить по ночной Москве. Ей нравилось ощущение свежего ветра, гуляющего в волосах, нравился приток адреналина... Сегодня всё это осталось в далёком прошлом.

— Ну всё, побежала, — Вера клюнула родительницу в морщинистую щёку и, не вызывая лифт, пошла пешком на первый этаж.

Лязгнула подъездная дверь, стук каблучков стих. Только тогда Зоя Пална вошла в дом и взялась за флакон валерьянки.

Она тоже не спала всю ночь. Сердце сжималось от непонятной тревоги. Как будто должно произойти что-то нехорошее. Не нравилась ей эта новая работа дочери. Не нравилась и всё.

Часть 8

— ... звоните мне, если что. В любое время, — отдала последнее указание Анжела и выскользнула из комнаты.

Ночная сиделка Анжела была точно такой же, как и Ира: сбитой кругленькой пышкой с крепкими руками. Она запросто вертела Ларису туда-сюда, как будто та абсолютно ничего не весила. Анжела с неприкрытым сомнением в глазах осмотрела новенькую – доходяга, такая ложку едва удержит, а тут лежачий больной. Но распоряжение хозяина – закон.

Едва оставшись с Ларисой наедине, Вера ощутила себя крайне неудобно: женщина полулежала на приподнятой под углом кровати и так же безучастно смотрела перед собой. Руки недвижимо покоились на белоснежном одеяле, сливавшемся с оттенком бледной кожи, и лишь накрашенные ногти словно спелые вишни отчётливо выделялись на общем фоне холодной чистоты.

Вера видела массу больных, больных безнадёжно: после страшных аварий с оторванными конечностями, после инфарктов, смертельных отравлений. В реанимацию другие не попадают. Люди так же лежат там под белыми простынями, абсолютно обнаженные, беззащитные, овитые паутиной трубок, торчащих из всех возможных мест. Кому-то везло, и они с вялыми улыбками на ожившем лице переезжали в отделение терапии, а кому-то везло не очень, и они тоже переезжали, только в морг.

Смерть давно стала чем-то обыденным для Веры, с такой работой волей-неволей научишься смотреть на жизнь проще. Но даже там, в реанимационном блоке, среди полутрупов она чувствовала себя комфортнее, чем здесь. Женщина перед ней была фактически жива, и даже глаза её были открыты, но невозможность понять, что же творится в её голове – и творится ли там вообще что-то – не давала Вере покоя. Маникюр, драгоценности, нарядная одежда – всё это выглядело так нелепо и неестественно...

Это был не страх, нет – неприятие ситуации и безумный дискомфорт, связанный с мрачным домом и его странными обитателями. Но что есть душевный дискомфорт, когда эту самую душу греет перспектива снять тяжкий груз с сердца и выполнить обещанный зарок? Ну и погашение кабалы в виде ипотеки тоже поднимало боевой дух.

— Ну, привет, Лариса, я Вера. Надеюсь, мы подружимся, — вслух произнесла Донская и ощутила себя круглой идиоткой.

Ты бы ещё в реверансе перед ней присела. Ей всё равно!

Вера подошла ближе и рассмотрела внимательнее пациентку, зачем-то наклонилась, пощёлкала пальцами у лица.

— Да она не понимает ничего, ей пофигу, — громко произнесла откуда ни возьмись появившаяся Анечка. Вера вздрогнула, отпрянув от Ларисы.

Конопатая весело рассмеялась и, положив стопку чистых полотенец на комод, вальяжно развалилась на маленьком диванчике у окна.

— Хотя мамка говорит, что она всё понимает и только прикидывается дурочкой.

— Это невозможно, Аня, её мозг мёртв, он способен лишь на безусловные рефлексy и только, — мягко возразила Вера, складывая полотенца в ящик комода.

— А мама говорит, что видела, как Лариса Петровна осознанно водила глазами, провояжая взглядом своего молодого муженька, — хихикнула Аня, и Вера испытала непонятное чувство при упоминании Туманова. Сегодня она с ним не столкнулась, хотя, положив руку на сердце, войдя утром в полутёмную гостиную, в первую очередь взглянула на кресло у камина, с долей разочарования отметив, что оно пустовало.

— И всё-таки я больше склонна верить слову медицины, — Вера задвинула ящик и обернулась к девчонке. — Аня, а... ты знаешь, что с ней произошло? Из-за чего Лариса впала в кому?

— Конечно, знаю! – уверенно отчеканила горничная и чуть понизила тон: — Вернее, разные слухи ходят: вроде как говорят, что она неудачно упала на горнолыжном курорте и ударилась головой, но всем понятно, что это всё он. Назар, — Аня загадочно кивнула на дверь.

— Что ты имеешь в виду?

— Кокнуть он её хотел, вот что! Он же и женился на ней, дураку понятно, что только из-за денег, — прошептала Аня и с важным видом откинулась на спинку дивана.

Какие пикантные подробности. Вере стало невыносимо интересно послушать ещё что-нибудь о хозяине дома, но было как-то неудобно сплетничать в первый же рабочий день.

Но болтушка Аня сама уже вошла в раж.

— Короче, познакомились они в автомастерской несколько лет назад: у Ларисы Петровны колесо в дороге пробило, заехала в первый попавшийся захудалый сервис, там-то и работал тогда Назар. Она на него сразу запала – втюрилась как кошка, сразу же домой его к себе притащила. Отец жуть как зол на неё был, я мелкой маме часто после школы на кухне помогала и слышала, как Пётр Васильевич орал благим матом, чтобы она этого голодранца прогнала и начала думать головой, а не одним местом, — Аня снова захихикала. – Но Лариса Петровна упёртая жутко... была, взяла и замуж за Назара Ренатовича выскочила. С платьем, лимузином, всеми делами. Даже фамилию его взяла. Петра Васильевича чуть кондратий тогда не стукнул, ругались они день и ночь с папашей – когда он приезжал, ругались, по телефону орали как потерпевшие. Потом Крестовский плюнул, сказал: живи как хочешь, не маленькая, но, мол, попомни моё слово – добром это не кончится, и уехал из Москвы. Вот тут-то и началось самое интересное...

Дверь тихо скрипнула, оборвав рассказ Ани на полуслове. Назар Ренатович молча вошёл в комнату.

Горничная изменилась в лице: резко вскочила и, одёрнув край форменного платья, спешно юркнула в коридор, оставив Веру и Туманова наедине.

Вера сразу ощутила себя не в своей тарелке. А если он всё слышал? Господи, ну конечно, он всё слышал! Не успела прийти, а уже кости хозяевам дома перемывает!

Чтобы чем-то занять руки, снова выдвинула ящик комода, перебирая только что сложенные полотенца.

Назар Ренатович, не произнося ни слова, прошёл мимо и остановился у припорошённого снежной крупой окна. Засунув руки в карманы брюк, долго и сосредоточенно смотрел вдаль, словно пересчитывая макушки мохнатых елей.

Вера искоса посматривала на мужа Ларисы, не понимая цели его визита. Не поздоровался, вошёл так, как будто здесь и нет никого вовсе. Напыщенный сноб, хотя, что греха таить, симпатичный. Высокий, статный, явно знающий цену себе и толк в дорогих костюмах.

Туманов медленно обернулся, и его пристальный взгляд словно наотмашь ударил. Хлестко, пронзительно-ядовито. И снова в глубине подсознания всплыл давно похороненный образ из прошлого, с такими же ледяными серебристыми глазами...

— Вы Вера? – хриплый баритон взорвал тишину. Голос звучал мягко и вкрадчиво, словно поступь хищного зверя.

— Да, — коротко бросила она, решив, что тушеваться перед подобного рода контингентом уж точно не будет.

— Так вот, Вера, я попрошу вас впредь больше не опаздывать. Вам было сказано приехать пораньше?

— Да, но электричка...

— Никаких «но». Пожалуйста, будьте впредь более пунктуальной, — не говоря больше ни слова, Туманов вышел из комнаты.

Веру трясло от негодования! Да, её просили приехать немного пораньше, и она приехала, опоздав всего на чуть-чуть, как раз к началу рабочего дня, так какого чёрта он высказывает ей какие-то нарекания? Забурились вглубь леса, сюда даже транспорт толком не ходит!

Вера нервно запихнула в ящик всё ещё сжимаемую в ладонях стопку полотенец.

Она не любила таких мужчин: властных, холодных, с миллионами на счетах. Они ощущали себя властелинами мира, считая, что могут запросто диктовать свои правила и манипулировать людьми. Может, этот Назар и решил наточить о неё свои острые зубы, но увы, придётся ему их обломать о титановый каркас её характера. Она тоже не лыком шита и даст отпор любому, кто посмеет словно котёнка тыкать её в мелкие провинности.

Да кто он такой вообще, что он видел в этой жизни?

По правде говоря, в рассказ Ани ей верилось с трудом. Она сильно сомневалась, что человек, подобный Туманову, когда-то возился в машинном масле и латал пробитые колёса.

Черты его лица благородные: тонкий нос, высокие скулы, волевой подбородок – каждая линия несла в себе печать аристократизма. Сын нефтяного магната – да, но точно не ребёнок улиц.

А ещё Вера заметила, что он ни разу не взглянул на свою жену. Даже мимоходом, словно её и не существовало вовсе. Любящий мужчина никогда не будет так себя вести. Может, в словах Ани всё-таки есть доля истины, и в сегодняшнем состоянии Ларисы виноват он? Жаль, что не удалось дослушать рассказ до конца. Вера решила, что при случае выпечит где-нибудь горничную и снова выведет ту на разговор. К счастью, Аню, похоже, мёдом не корми, дай только языком почесать.

Резкий порыв ветра с грохотом отворил деревянную форточку: тонкий тюль приподнялся, запуская в комнату морозную свежесть и россыпь ледяных кристалликов.

Сердце подпрыгнуло и пустилось вскачь: Вера громко выдохнула, приложив ладонь к груди. Испугалась какого-то ветра! По ней точно психушка плачет.

Встав на цыпочки, крепко закрыла створку, расправила складки на занавесках. Не хватало ещё, чтобы бедняжку просквозило – в таком состоянии любая инфекция может поставить точку на её бренном существовании. Может, это даже было бы лучшим исходом для бедной женщины... Вера не думала, что Лариса – такая в прошлом своевольная и строптивая, хотела бы жить вот так – питаться через трубочку и пускать слюни в воротник.

В любом случае, чему быть, того не миновать. Но пусть только это произойдёт не в её смену.

Вера обернулась на Ларису и буквально замерла на месте: она была готова поклясться, что сначала голова женщины была повернута влево, в сторону окна. Сейчас же она лежала прямо и смотрела на неё – смотрела пристально, не мигая.

Показалось, или губы тронула едва уловимая улыбка?

Нет. Это бред. Этого не может быть!

Россыпь мурашек пробежала вдоль позвоночника, суставы сковало липким страхом. На ватных ногах Донская поспешила в ванную, открыв позолоченный кран, плеснула в лицо пригоршню ледяной воды.

Она вспомнила себя в прошлом, как её пугали вдруг очнувшиеся под капельницами пациенты реанимации. Как особо буйные алкоголики, ещё не отойдя от белой горячки, вырывали с корнем катетеры из вен и бегали голышом по отделению, брызгая слюной, мочой и кровью. Но там, в больничных стенах, где боролись за жизнь людей, это было ожидаемо и как-то совершенно естественно, а здесь, в этом странном доме, любая мелочь казалась жуткой.

Совсем нервишки расшалились. Вера глубоко вздохнула и закрыла воду. Конечно, показалось. Наверное, она так и лежала прямо, просто неожиданное появление Туманова попутало все карты.

Промокнув лицо мягким полотенцем, девушка вошла в комнату, и тут ей уже стало по-настоящему страшно: голова Ларисы была повернута влево. Отсутствующий взгляд смотрел в пустоту, а по подборку тянулась тонкая ниточка слюны.

Часть 9

Прошлое

#####

...вот он, склад. Хлипкий ржавый замок покачивался от порывов ледяного ветра. Едва разгибая окоченевшие пальцы, схватила за промёрзший кусок железа и дёрнула что есть силы...

Не поддался. Дёрнула ещё и ещё, сопровождая действия гортанным рыком. Обернулась – никого. Но он точно где-то рядом.

— Ну, давай же ты! Давай!

Удар. Ещё удар. Дверь протестующе крикнула и наконец открылась, в нос ударил запах отсыревшего дерева и лежалой картошки. Скрипя половицами, нырнула внутрь.

Слишком громко, он мог услышать. Дурында.

Сердце стучало где-то в горле, разбитые о мёрзлый снег колени нестерпимо жгло, но это такая мелочь по сравнению с тем, что было бы, если...

Прислонившись спиной к стене, слушала завывание ветра. Сквозь разохшиеся трещины сочился серый дневной свет.

Его нет. Просто показалось. Из груди вырвался вздох облегчения, дрожащие от холода губы растянулись в подобии улыбки.

— Ну где же ты, моя лялечка... Ку-ку, — раздалось за бревенчатой стеной.

Онемевшее тело скрутило паникой, во рту – медный вкус страха.

Дверь тихо распахнулась. В белоснежном проёме его злое и чёрная фигура. Высокие валенки облеплены снегом, изо рта вырывались густые клубы пара.

— ... а, вот ты где...

Часть 10

— Верунчик! – из наполовину открытого окна показалась макушка Лёшки. Зазывая ладонью, расплылся в широкой улыбке.

— Ненахов? Ты чего тут потерял? – Вера нахмурилась, примеряя маску показной злости. Обойдя старенький «Жигуль» соседа этажом ниже, подошла к «Хендай» коллеги.

— Да вот, проезжал мимо, дай, думаю, заеду, подвезу. Прыгай, — кивнул головой в салон и открыл изнутри пассажирскую дверь.

Вера хоть и без огромной радости, но всё-таки с чувством благодарности забралась внутрь.

— Если ты так подмазываешься, чтобы урвать свидание...

— Как будто я не могу сделать сей жест по доброте душевной!

— Нена-ахов, — протянула Вера и хитро улыбнулась. — А то я тебя не знаю, жука. Хватит ко мне подкатывать – бабники не в моём вкусе.

— А бабники в прошлом? Я изменился, честно-честно, — округлив глаза как кот из Шрека, Лёшка трогательно заморгал выгоревшими за лето ресницами.

Если бы Веру интересовали отношения на одну ночь, она бы непременно воспользоваться приглашением Ненахова. Чувствовался в нём запал опытного самца, и она была более чем уверена, что ночи с ним не оставили бы её равнодушной. Но вопреки закону природы – не тянуло. Да и вообще к сексу она относилась прохладно, и дело было даже не в несовпадении связки феромонов с партнёрами, она просто не любила секс, считая себя по-настоящему фригидной. Наверное, специфика её тайного альтер эго полностью отбила охоту желать какого-то мужчину. Слишком много грязи она видела, слишком много похоти. Да и первый сексуальный опыт оставил о себе не самый приятный след, и как бы она ни пыталась это отрицать – это тоже наложило свой горький отпечаток.

— Как тебе новая работёнка, ну, которую Соломоныч подогнал? – не отрывая взгляда от дороги, спросил Лёшка, аккуратно объезжая ремонтные работы.

Обрывки жёлтой ленты мотылялись на ветру, раскуроченные куски асфальта огромной кучей высились у вырытой посреди трассы ямы.

— Нормальная. Пока не поняла, — дёрнула плечом, прогоняя непрошенный образ Туманова.

— Ну, всё лучше, чем с подносами бегать, да?

Вера задумчиво кивнула, провожая взглядом таджиков в оранжевых жилетках. Те словно пчёлы суетились с лопатами, мётлами, носили вёдрами щебень. Вот у них да – работа, а ей грех жаловаться.

После метаморфоз с состоянием Ларисы, Вера целый день присматривалась к женщине, внимательно перечитала длинный список диагнозов и одну строчку достигнутых улучшений. Она совершенно безнадёжна, а вот Вере точно нужно проверить голову, раз чудится такое. Непроизвольно закатить глаза или дёрнуть рукой – да, но умышленно повернуть голову – это за гранью фантастики.

В принципе, работа действительно оказалась несложной, как и обещал Соломонович: лекарство по часам, кормление... Большую часть дня Вера просто просидела без дела, слоняясь по комнате, изучая фактурные обои в мелкий цветочек.

Пару раз от нечего делать высывалась в пустой коридор, прошлась по второму этажу – никого, ни единой живой души, все двери плотно закрыты. Ну точно склеп.

Ей было интересно, в какой же комнате живёт этот напыщенный сноб Назар, она даже пыталась подсмотреть, что там творится за замочными скважинами мрачных хором, но потом

услышала скрип деревянной лестницы и быстро скрылась обратно, укоряя себя за дурацкое поведение. Как девчонка! Но это всё скука – ни телевизора, ни интернета, ни даже радио. Только и оставалось, что дремать в кресле да разглядывать в окно однообразные макушки припорошенных снегом деревьев.

Один раз увидела его – Туманова. Чекая размашистый шаг, он вышел из-за угла дома. Полы длинного черного пальто развевались от порывов ветра – словно граф Дракула, величаво обходящий свои владения. Волосы растрепались, упав беспорядочными прядями на аристократический широкий лоб, плотно сжатые губы красной нитью атели на чрезмерно бледном лице. Завораживающая картина, и в то же время пугающая. А когда он резко поднял голову и посмотрел вверх, прямо на неё, Вера вздрогнула и тут же задёрнула штору.

Чёрт знает, что за реакция!

Через несколько минут в коридоре раздались негромкие шаги: Вера прильнула к двери и буквально затаила дыхание.

Ей показалось, или шаги возле двери стихли?

Создалось ощущение, что кто-то стоял с той стороны, так же прислушиваясь. Она чётко уловила рваный выдох и словно почувствовала внутреннюю вибрацию, исходящую от того, кто стоял совсем близко.

Изогнутая латунная ручка щёлкнула и чуть наклонилась, но потом, словно передумав, плавно вернулась на своё место. Шаги возобновились. Вибрация исчезла. Вера нервно выдохнула и, вернувшись в кресло, уставилась в окно. Пальцы подрагивали от пережитого напряжения.

На улице было совсем темно, пустые глазницы наглухо зашторенных окон левого крыла навевали иррациональный страх.

Зачем нужен такой огромный дом, если в нём никто не живёт? Ещё и в такой глуши, вдали от цивилизации, в лесу!

И вот это что сейчас было? Неужели тоже показалось, как и с Ларисой? Нет, за дверью определённо точно стоял Туманов! Она слышала его дыхание. Она его чувствовала.

Этот мужчина пугал её так же сильно, как и притягивал.

В одном из окон напротив загорелся тусклый свет. В жёлтом прямоугольнике показалась тёмная фигура.

Сердце словно пустилось вскачь. Это он. И он смотрел прямо на неё.

Как во сне.

Когда дверь с шумом отворилась – Веру чуть удар от неожиданности не стукнул, благо это оказалась всего лишь Ангела. Время смены закончилось.

Всю ночь она ворочалась, пытаясь избавиться от присутствия Туманова в её голове. Стоило только закрыть глаза, как сразу же появлялся он: словно чёрный ворон размахивал лапами пальто, будто крыльями, расплавляя её хрупкое тело в серой ртути своего пытливого взгляда.

Утром ей было не до глупых фантазий – наступила очередная смена в ЦРБ, и, доехав с Лёшкой до работы, Вера крутилась как белка в колесе: на рассвете поступили сразу трое – пострадавший в аварии, мужчина с ножевым ранением, а другой с огнестрельным.

И всё равно, как бы сильно она ни была занята, нет-нет, да возвращалась мысленно к мужу своей безнадёжной пациентки.

Почему же Туманов всё-таки женился на Ларисе? Он гораздо моложе и слишком хорош собой, чтобы тратить жизнь на возрастную женщину.

Неужели любовь? Или всё-таки деньги, как это уверенно утверждала Аня?

Хотя ничего удивительного. Сегодня всё продаётся и покупается, даже люди.

Тем более люди.

Часть 11

— Ух ты, для кого это? – заглянула через плечо мама, наблюдая, как Вера аккуратно заворачивает в золотистую бумагу флакон мужской туалетной воды. – У тебя появился ухажёр?

— Ну-у... секрет, — скрепив края фольги тонкой полоской скотча, Вера опустила таинственный презент в сумочку. Достав из косметички тушь, принялась аккуратно вытягивать и без того длинные ресницы.

Зоя Пална присела на край кровати и лукаво прищурилась:

— Мне казалось, у нас нет тайн друг от друга. Так кто он? Тот парень, что ждал тебя вчера на машине возле дома?

— Мама! – наигранно злясь, нахмурила брови Вера. Уперев руки в бока, отвернулась от зеркала. – Ты что, подсматривала?

— Нет, конечно, нет! Ну... если только чуть-чуть. Так кто он? Тот молодой реаниматолог с твоей работы?

— Лёшка? Нет, Лёшка просто друг.

— Знаешь ли, в твоём возрасте не дружить надо, а подыскивать достойную партию для создания семьи, — проворчала мама, убирая невидимые ниточки с тёплого домашнего халата.

— Это в каком таком «моём возрасте»? Мне всего лишь двадцать девять.

— Не всего лишь, а уже!

Нет, её не переспорить.

— В любом случае желаю тебе хорошо провести вечер. И знай – я приму любой твой выбор, но, надеюсь, это будет не кто-то из тех юнцов с разноцветными косами, что ошиваются вечерами возле подъезда.

— Это дреды, мама, — рассмеялась Вера, немного избавляясь от напряжения, что скопилось у неё по рукам и ногам перед каждой встречей с ним...

Как всегда, дорога до его дома тянулась будто вечность. Три станции метро, маршрутка, семь минут пешком. Старая хрущёвка, пропахший ветхостью подъезд. Пятый этаж, сквозняк, шорохи на чердаке...

Сколько раз она здесь была? Десятки. А может, сотни.

Знакомая до боли, выкрашенная голубой краской дверь, оплавленная какими-то вандалами красная «таблетка» звонка. Совсем скоро она его снова увидит. Сердце стучало часто-часто, как перед прыжком с обрыва...

Вздыхнув, сняла перчатку и протянула руку к звонку, как вдруг услышала мелодичные переливы из глубины кармана пальто.

Вазген. Чёрт бы его побрал!

Спустившись ниже на один пролёт, неохотно приняла вызов.

— Привет, рыбка. Ты нужна мне сегодня.

— Мы же договаривались на четверг, — прошептала Вера, едва заметно кивая показавшейся в дверном проёме старушке. Оставив на площадке полный мусорный пакет, та с грохотом захлопнула дверь.

— Прости, но через месяц новый год, у нас аврал. Думаю добавить в твою программу ещё пару выступлений.

— Послушай, Вазген, я нашла новую работу и хочу...

— Стоп-стоп-стоп! – торопливо перебил босс. – Малышка, если ты рассердилась и обиделась на меня за тот случай – ну прости, я был слегка не в духе. Первый раз мы с тобой, что ли, поцапались? – добавил елеиным голосом, и Вера услышала, как он щёлкнул зажигалкой и

глубоко затянулся. – Так и быть, ещё плюс десять процентов к гонорару, только, чур – между нами! Не то эти разъярённые кошки меня порвут.

— Ты же говорил, что моя задница не комильфо и сиськи обвисли.

— Не цепляйся к словам – кто старое помянет...

— Вазген, я серьёзно. Я хочу уйти.

— Извини, но до праздников это невозможно. Исключено, — отрезал он и шумно выдохнул дым. – Окей, пятьдесят на пятьдесят, устроит?

Пятьдесят процентов... Вера быстро прикинула в уме сумму. Заманчиво. Ёлка, подарки, икра, шампанское...

— И после праздников ты меня отпускаешь?

— Вали куда хочешь. Но сегодня будь добра к станку, птичка.

Деньги, деньги, чёртовы деньги! Ещё недавно она размышляла, как продаются люди, и сама же обменяла душу на банкноты.

Но в праздники действительно можно хорошо заработать. Он просто загнал её в угол. Манипулятор, знает, на что давить.

— Хорошо, до вечера.

Месяц! Осталось потерпеть всего лишь месяц, и потом пусть катится это всё...

Вера устало поднялась снова наверх и, нацепив улыбку, нажала на звонок. Через минуту за дверью послышалось шуршание, скрежет ключа в замочной скважине.

Дверь со скрипом распахнулась.

Широкая улыбка, алые губы. Небесной чистоты голубые глаза смотрели с неприкрытым обожанием.

— Ты всё-таки пришла. Я ждал.

— Ну, конечно, пришла, — ступила в тесную прихожую и нежно коснулась губами чисто выбритой щёки. – С днём рождения, Сашка.

Часть 12

— Почему так поздно? Я же говорил, что у нас аврал! – нервно рявкнул Вазген, бесцеремонно вломившись в гримёрную. Отдалённые звуки музыки проникли в душную комнату, под завязку забитую полуголыми танцовщицами.

— Я была на дне рождения... друга, — приклеивая накладные ресницы, выдохнула Вера.

— Да хоть на крещении Папы Римского! Мне всё равно! Это вот что? – схватился ладонью за её бедро и сильно сжал пальцами кожу. – Что это? А я тебе скажу – это целлюлит! Мне казалось, я плачу вам достаточно, чтобы вы могли позволить себе абонемент в фитнес-клуб. Задницей нужно трясти не только на сцене, но и впахивать в спортзале! Никому не хочется смотреть на дрыгающееся сало!

Как всегда, вдоволь прооравшись, Вазген покинул гримёрку, истерично грохнув за собой дверь. Никто и ухом не повёл – к замашкам хозяина здесь давно привыкли, и подобного рода концерты были не редкостью. Если маячила перспектива сорвать куш, он словно с катушек слетал – рвал и метал, выливая на каждую тонну грязи.

Но дело было не только в этом: все, кто хоть мало-мальски был знаком с Вазгеном Багировым, знали, что в прекрасном расположении духа он только под мухой. Тогда его глаза лучились позитивом, он словно из рога изобилия сыпал шутками и комплиментами и, если везло, мог одарить внеплановой премией. Но когда допинг терял свою силу, мужчина впадал в неистовство. Сейчас был именно такой момент.

— К чёрту всё, пошёл он! — Вера стянула с головы парик и бросила вслед боссу. Следом сдёрнула с ушей тяжёлые клипсы, швырнув на заваленный косметикой стол.

— Ну, ты давай мне тут, не истери, — Нина подняла парик и положила Вере на колени. – Месяц потерпишь и уйдёшь. А там глядишь, и я за тобой. Надоело всё.

— Да что ты с ней носишься вечно? Хочет валить – пусть катится, — шустро орудуя по подбородку огромной кистью, вмешалась Золоторёва. Вытянув рот буквой «О» мазнула по скулам. – А то считает тут себя привилегированной особой, а на деле...

— И что на деле? – вскочила Вера, сжав кулаки.

— Припадошная, сядь, не долечилась? Мозгоправ не помог? – обернулась Золоторёва и одарила Веру презрительным взглядом.

Донская дёрнула плечом, вырвалась из цепких ладоней подруги и рьяно кинулась на обидчицу. Девчонки сразу переполошились, бросились растаскивать коллег по цеху в разные стороны.

Драки в их бабьем царстве не были большой редкостью, причиной для ссоры могло стать что угодно: испорченная помада, не поделенный график, да даже косой взгляд и кривое слово становились поводом, чтобы вцепиться в волосы.

— Вера, прекрати! – Нина оттянула подругу в самый дальний угол гримёрки и силой усадила в продавленное кресло. – Ты же знаешь Надьку – она полоумная! Вазген её кинул, вот она и бесится.

Ни для кого не было секретом, что у Золоторёвой и босса отношения выходили за рамки рабочих. Именно он перетащил её в "Магнолию", забрав из какой-то замызанной подпольной шарашки. Надя, не скрывая своего интереса, открыто метила на место Веры – все знали, что «Матильда» гвоздь любого вечера, и зарабатывала она больше остальных, но Вазген девушкой пользовался, а двинуть по карьерной лестнице не особо торопился. Золоторёва, как и все, ублажала клиентов в приват-румах, тогда как Вера была избавлена от этой участи.

— Она меня достала, меня вообще всё тут достало! Если бы не деньги эти проклятые... — всхлипнула Вера и с силой втянула носом воздух. Не будет она рыдать, ещё чего. Тем более из-за Надьки, тем более здесь.

— Понимаю! Понимаю, Вер, — Нина села рядом на корточки и погладила подругу по колену. — У меня самой сын, мне на ноги его поднимать надо, поэтому и терплю это всё. В следующем году Дане в первый класс идти, не хочу, чтобы он меня стыдился, ведь рано или поздно станет известно, чем мать зарабатывает... Лучше кассиршей в супермаркет пойду. Так что будем с тобой в Ашане работать посменно, — Нина вымученно улыбнулась и, взяв парик, криво нахлобучила Вере на голову. — А пока иди и покажи им всем. Чтoб сожрали и подавились.

— Спасибо, Нинка, если бы не ты, не знаю, как выдержала бы в этом серпентарии, — Вера бросила свирепый взгляд на Золоторёву, которая как ни в чем не бывало дальше наводила красоту. — И вот надо было этой стерве наш разговор про мои походы к психологу услышать...

— Не её ума дело, забей. По ней самой психушка плачет, — поддержала Нина, и Вере даже будто легче стало.

Нина Калугина была её единственной подругой, и она как никто понимала Веру. Не избалованная жизнью Нина выросла в детском доме, а стоило только выйти в большой мир, сразу же попала в лапы настоящего садиста, который мучил её целых два года, а потом заделал ребёнка и исчез с концами. Пришлось ей одной воспитывать сына, оплачивать жильё и приходящую няню. На Вере же в свою очередь висела ипотека и больная старенькая мать — обстоятельства заставили их обеих окунуться в не самый чистый мир так называемых «лёгких денег». Но только запертые в стенах «Магнолии» знали, как на самом деле эти «легкие» деньги достаются.

Но даже не это делало девушек поистине близкими. Произошедший несколько лет назад случай скрепил подруг сильнее кровных уз. Совпадение ли, провидение, но именно Нина была с Верой в ту роковую ночь, что разделила жизнь Донской на до и после.

Он Нинино молчания зависело и будущее Веры...

— Иди, твой выход, — заглянула в гримёрку Инесса, и Вера неохотно поднялась.

Поправив короткий парик, скинула кружевной халатик, оставшись лишь в красном белье и чулках с подтяжками. Сняв с края зеркала венецианскую маску, надела ту на глаза, выпустив из-под резинки чёрное каре.

— И помни — ипотека, — шепнула Нина и показала два поднятых вверх больших пальца.

Чем ближе Вера подходила к плотно задёрнутой ширме, тем хуже ей становилось.

Она ненавидела эту музыку, ненавидела въевшийся в стены запах, ненавидела эти сальные глаза, что раздевали её ещё до того, как она сама снимала с себя тонкое кружево белья. Если бы она знала, что танцы, которые всю жизнь были её страстью, приведут к такому унижительному исходу...

Приоткрыв тяжёлую занавеску, выглянула на танцпол: да там сегодня действительно был аншлаг! Полный зал, даже столики второго этажа были забиты до отказа. Лысеющий Багдасаров как всегда сидел по центру в своём неизменном пиджаке с золотистыми вензелями. Вера знала, что он дожидается её. Этот толстый мешок с деньгами давно положил на неё глаз и терроризировал Вазгена, требуя приват. Но тот пока крепился, апеллируя тем, что Матильда-недотрога вызывает большой интерес у публики.

Музыка начала стихать, извиваясь в завершающих номер па, «Маргарет» эротично приседала, поднимая разбросанные купюры.

Среди гостей Вера увидела ещё несколько знакомых лиц — завсегдатаи клуба, почти все из них женаты, но это не мешало им неоднократно заказывать приват и забирать девочек в гостиницу после выступлений.

Вдруг её словно кипятком окатило. Ноги стали ватными, пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть. Её глаза вновь сцепились в схватке с ледяным айсбергом. Пронзительный взгляд словно пуля прошил её насквозь, превратив позвоночник в мелкое крошево.

Тяжело дыша, Вера задёрнула занавеску. Назар Туманов здесь? В клубе?

Мимо прошмыгнула измочаленная Маргарет, сжимая в руках смятые деньги.

— Вер, иди, чего встала, — подтолкнула сзади администратор Инесса.

Неверным шагом Вера ступила на сверкающий танцпол, выдала пару заученных улыбок и движений, тем временем разыскивая глазами Туманова. Она же видела его на балконе второго этажа. Он смотрел прямо на неё! Но сейчас там стоял незнакомый широкоплечий бугай, потягивая из квадратного стакана щедрую порцию виски.

Показалось. Просто показалось.

Часть 13

Прошлое

#####

Прислонившись спиной к стене, слушала завывание ветра, сквозь разошедшиеся трещины сочился серый дневной свет.

Его нет. Просто показалось. Из груди вырвался вздох облегчения, дрожащие от холода губы растянулись в подобии улыбки.

— Ну где же ты, моя лялечка... Ку-ку, — раздалось за бревенчатой стеной.

Онемевшее тело скрутило паникой, во рту – медный привкус страха.

Дверь тихо распахнулась. В белоснежном проёме его зловеще-чёрная фигура. Высокие валенки облеплены снегом, изо рта вырывались густые клубы пара.

— ... а, вот ты где.

Сердце застучало где-то в самом горле. Всё-таки нашёл.

Он вошёл в сарай, прикрыв за собой хлипкую дверь. Снова стало темно.

Крадучись, словно хищник, подошёл ближе. Опасно близко. В нос ударил запах самогона с примесью сигаретного дыма.

— Ну чего ты, Вер? Боишься меня, что ли? – выдохнул он, прижимая всем телом к мёрзлой стене. – Я видел, как ты танцуешь... Ты же танцевала для меня, правда?

Жар его дыхания резонировал с окружающим холодом, под распахнутой курткой - упирающаяся чуть ниже живота выпуклость. Но даже не это так пугало её сейчас – расплавленная ртуть его глаз несла куда большую угрозу.

— Ну, иди сюда, чего же ты...

Часть 14

— Привет, Вер, здорово, что сегодня твоя смена, мне эта Ира, если честно, уже вот где, — Аня провела ладонью поперёк горла и присела на край стола. Беспечно болтая миниатюрной ножкой, вгрызлась в сочное яблоко. — Как поживает наша Ларисон? Шутка. Как ещё может поживать овощ? — Аня весело захохотала, а Вера лишь смерила горничную удивлённым взглядом. — Ну а что? — с полным ртом проговорила девчонка. — Мне эта Лариса никогда не нравилась: вечно ходила, задрав нос, будто она тут пуп земли! Мамке меня брать с собой запрещала, приходилось вечно прятаться в кухне. Благо, эта цаца никогда туда не заходила. Она и готовить-то точно не умела, уверена, что она считала, что курятина растёт на огороде. Сразу в жареном виде, — Аня покатила со смеху и, даже подавившись, продолжала хихикать.

— Ань, ну так нельзя, какой бы она ни была, это всё-таки живой человек, — отчитала Вера, плотно закрывая форточку — ветер разгулялся не на шутку.

— Ты просто её не знала. Орала на всех, подзатыльник могла отвесить. Одного Назарчика своего пестовала словно божество — ни слова поперёк, всё ему. Только ревновала дико, буквально к каждому столбу, скандалы на пустом месте закатывала, а после истерик антидепрессанты коньяком запивала и блевала потом. Больная, — Аня покрутила пальцем у виска и снова откусила яблоко.

— А ты говорила что-то о том, что после того, как Лариса Петровна и Назар Ренатович поженились — началось самое интересное. Это ты что имела в виду? — стараясь скрыть ярое любопытство, будто между делом поинтересовалась Вера.

— Ну, вот то и началось: ревность, истерики её, психозы. Операции делала всякие, чтобы моложе выглядеть, всё считала, что старая для него слишком. А потом они вместе в горы поехали отдыхать, и вот — вернулась уже такая. Крестовский кидался на Назара, мол, это он виноват, что из-за него Лариска теперь такой стала. Но что именно там произошло — никому точно не известно. То ли он душил её, то ли с горы столкнулся, то ли ещё что...

— Это Крестовский сказал?

— Не, это мы с мамкой так думаем, — Аня махнула ладошкой и обглодала огрызок. — Крестовский-то знает, конечно, только от всех настоящую причину скрывает. Официальная версия — удар головой, а как было на самом деле — тайна, покрытая мраком, — Аня развела руками и швырнула остаток яблока в мусорную корзину. — А знаешь что? Это точно Назар её кокнул, к гадалке не ходи. Знаешь, сколько у неё бабосиков? Помрёт — всё Назару достанется. То-то же. Ладно, пойду мамке помогу на кухне, — спрыгнула со стола и достала из кармашка фартука смартфон. — Слушай, а ты в инстаграм есть? Давай задружимся? Я там Аннети, через чёрточку.

После ухода конопатой Донская задумалась: неужели действительно Назар что-то с Ларисой сделал, чтобы её деньги прибрать к рукам? Если так — то он настоящий монстр.

Хоть Вера и не питала большой привязанности к пациентке, более того, была даже уверена, что Аня не приукрасила, описывая нрав хозяйки, но всё-таки посягать на жизнь из-за выгоды — это мерзко! В кого она теперь превратилась? Отойти в мир иной даже лучше, чем жить вот так...

Лариса сидела в инвалидном кресле, отсутствующим взглядом сверля перед собой стену. Была властная и боевая, а стала... врагу не пожелаешь.

Резкие порывы ветра грозились выбить стёкла — разыгралась самая настоящая снежная буря. И если в центре Москвы это не было так заметно, то здесь, в глуши, среди ёлок, в этом громадном склепе это, казалось бы, обычное явление природы приобретало зловещий окрас.

А ей ещё как-то домой после смены добираться...

Лампочка затрещала и, угрожающе моргнув, потухла. Потухло окно и в соседнем крыле. Дом погрузился во мрак. Темнота, хоть глаз выколи.

— Твою мать, — выругалась вслух Вера и на ощупь поковыляла к комоду, где оставила свою сумку. Нашупав прохладную кожу, открыла «молнию» и нащарила мобильный. «Аккумулятор разряжен» — оповестил бездушный аппарат и, пикнув, погас. — Ну просто отлично!

Стараясь не сбить ничего по пути, Вера добрела до двери и, надавив на ручку, выглянула в коридор. Темнота. И гробовая тишина. Лишь свист ветра за окном да удары снежных лепёшек о тронутые морозной росписью стекла.

— Аня? Кто-нибудь тут есть? — аккуратно ступая по толстому ковру, медленно пошла по коридору.

Куда брела — сама не знала, но оставаться там, в комнате, наедине с бездушной Ларисой было совсем не по себе. К тому же где-то в доме должен быть фонарь, не сидеть же как в могиле теперь. Как жаль, что она не изучила как следует планировку...

Чертыхаясь про себя на погоду и на невесть откуда вдруг свалившуюся никтофобию, Вера шла всё дальше в надежде благополучно найти лестницу и спуститься в кухню — уж там-то точно кто-то должен быть.

Сзади раздался скрип половицы, и она остановилась как вкопанная. Казалось, что оглушающие удары сердца заполнили собой всё помещение.

— Вера, это вы? — хриплый баритон отозвался стайкой мурашек, врассыпную разбежавшихся по позвоночнику. — Аккуратно, впереди очень крутая лестница запасного хода...

Не успел он это проговорить, как Вера по инерции сделала шаг и уже ощутила под ногой пустоту, как вдруг сильные руки схватили её за талию и уверенно оттащили от края. Вера и так была ни жива ни мертва, а его горячие ладони под грудью ещё больше мешали прийти в чувство. Его дыхание щекотало шею, а размеренное биение сердца толчками отдавалось в её скованные страхом лопатки.

Назар Туманов.

Он был так близко, лишь тонкая ткань разделяла всё ещё прижатые друг к другу тела. Неожиданный жар сковал ноги, а затем ударил в голову — мощно, бескомпромиссно.

Вера обмякла, повисла в его железной хватке словно тряпичная кукла.

— Спасибо, вы... спасли мне жизнь, — проговорила она, но голос походил скорее на жалкий сдавленный писк.

— Ну, может, не жизнь, но от переломов я точно вас спас, — он словно нехотя убрал руки и отошёл на шаг. Чиркнула спичка, и через мгновение коридор осветил слабый свет свечи. — В непогоду здесь часто вырубает пробки.

Жёлтые блики плясали на его лице, урывками выхватывая едва заметную ухмылку. Его губы — алые, красиво очерченные, о таких можно слагать оды...

Вера смотрела на него и никак не могла привести дыхание в порядок. Место под грудью всё ещё хранило жар его ладоней.

Она корила себя, что уставилась вот так нагло на чужого мужа. Безусловно красивого, но чужого!

Страх, помноженный на адреналин, рождал в голове безумные мысли.

«Это он кокнул Ларису... Стокнул с горы или душил...» — слова Ани всплыли в памяти так не вовремя, распаляя воображение всё больше и больше.

Вера перевела взгляд с его живописных губ на руку, сжимающую толстую свечу: широкая ладонь с сеточкой вен, очень мужественная и очень сильная...

«Такими недолго задушить».

Она явственно увидела Ларису, лежащую на белом снегу, её выпученные от страха глаза и скривившийся в гримасе боли рот. Хрипы, мольба о помощи, сдавленные стоны... и руки Назара на её хрупкой шее...

Возможно, она стоит сейчас рядом с убийцей! Одна, в крошечной темноте!

Вера отшатнулась назад и едва снова не угодила ногой в пустоту уходящей под пол лестницы. Туманов молниеносно, слово хищник, схватил её за руку и вновь привлёк к себе дрожащее женское тело.

— Наверное, здесь пора поставить перегородку, — тихо проговорил он, и его голос моментально сдетонировал в её воспалённом мозгу, отозвавшись неконтролируемым страхом и ещё более неконтролируемой тягой к этому мужчине.

Грудь ходила ходуном, в голове гудели странные голоса, предупреждая держаться от него подальше.

Она перехватила его цепкий взгляд – словно в чан с расплавленной ртутью нырнула. Его рука до сих пор покоилась на её талии, и он открыто наслаждался реакцией девушки, словно пойманной в силки птиц.

Неожиданно вспыхнул слепящий свет, заставляя сощуриться и прикрыть ладонью глаза. Одновременно с этим раздался торопливый топот ног. Аня стояла напротив, сжимая в руках теперь уже ставший бесполезным включенный фонарь.

Вера тут же отпрянула от Назара и одёрнула край задремавшейся водолазки.

Туманов как ни в чем не бывало двумя пальцами затушил огонёк свечи и, ничего не говоря, пошёл дальше по коридору, завернув в левое крыло.

— Верка, ты с ума сошла – он же убийца! – прошептала Анечка, зажав рот ладошкой.

Вера прямо видела, как заработали в её голове шестерёнки, рождая на ходу свежие сплетни.

— Не понимаю, о чём ты. Я, между прочим, чуть не свалилась с лестницы, могла бы ноги переломать. И часто тут свет выключают? – она не знала, прокатит ли вариант заговорить горничной зубы, но ничего иного просто не придумала.

— Да я вот как раз фонарик тебе несла, — Аня протянула обшитый жёлтым пластиком корпус и одарила Веру любопытным взглядом. – А всё-таки, что вы делали тут вдвоём?

— Столкнулись. Случайно, — Вера дошла до комнаты Ларисы и отворила двойные створки. Женщина сидела точно так же, как и до того, как вырубил свет. Вот уж кого ничего не волнует.

— Ужин готов, овощное рагу. Будешь?

Вера отрицательно качнула головой и захлопнула перед носом Ани дверь. Облокотившись с обратной стороны о прохладное дерево, протяжно выдохнула.

Какое, к черту, рагу, если всего пару минут назад она пережила такое!

На её пути попадалась масса мужчин, и все они были разные: одни были робкими романтиками, другие безбашенными наглецами, третьи пытались добиться её напором, но никто из них не оказывал на неё такого странного, даже гипнотического влияния, как Назар. Было в нём что-то... отталкивающее, и в то же время это «что-то» притягивало.

Может быть, вуаль тайны, что окутывала его с первого дня их знакомства, а может, его взгляд – пронизывающе-серебристый. Пугающий, разбирающий на молекулы.

Взгляд из её прошлого. Из её ночных кошмаров.

Часть 15

Прошлое

#####

Крадучись, словно хищник, он подошёл ближе. Опасно близко. В нос ударил запах самозона с примесью сигаретного дыма.

— Ну чего ты, Вер? Боишься меня, что ли? — выдохнул он, прижимая всем телом к мёрзлой стене. — Я видел, как ты танцуешь... Ты же танцевала для меня, правда?

Жар его дыхания резонировал с окружающим холодом, под распахнутой курткой она явственно ощущала упирающуюся в бедро выпуклость. Но даже не это так пугало её сейчас — расплавленная ртуть его глаз несла куда большую угрозу.

— Ну, иди сюда, чего же ты...

Он раскованно запустил ледяную ладонь под её тонкую кофточку, тело тут же покрылось россытью мелких мурашек. Не желания — страха.

— Олег, пожалуйста... — попыталась отстраниться, безуспешно отталкивая руками. — Я репетировала номер для новогоднего концерта. Олег, пожалуйста...

Не показывай, что боишься!

— А почему ты убежала? — ладонь переместилась выше.

— Не знаю... — выдохнула, борясь с накатившим отвращением.

Орать бесполезно — здесь никогда никого не бывает. Её крик может его только разозлить... и раззадорить.

Рука заскользила ниже, юркнула под оборки пышной концертной юбки.

— Не бойся меня, Вер, всё будет хорошо.

Нет! Нельзя! Не хочу!

Реальность происходящего уплывала, ей казалось, что всё это происходит не с ней, но его настойчивые пальцы под бельём грубо выдернули из полубессознательного морока.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, она что есть силы закричала.

Часть 16

Вера наклонилась над столом, внимательно пересчитывая ампулы Промедола*. Если хоть одна из этих склянок пропадёт – влетит всем по первое число.

Каждая смена начиналась и заканчивалась этой рутинной, но крайне важной процедурой – учет пустых ампул, учет оставшихся неиспользованных, учет выполненных инъекций. Учёт, учёт, учёт...

За сильнодействующие препараты заставляли ставить подпись едва ли не кровью. Шутка ли – за пропажу всего одной ампулы светил самый что ни на есть реальный срок.

Пару месяцев назад сменщица Лиза закрутилась и куда-то потеряла две ампулы Морфина*, так такое началось – подняли на ноги всех: заведующую отделением, главврача, службу госнаркоконтроля.

Лиза рыдала как сумасшедшая, все мусорки на территории больницы излазила, заглянула в каждый угол, даже в туалеты – не нашла. Увы, с работой пришлось распрощаться, и до сих пор на бедняжку не закрыли уголовное дело.

— О, Верунчик, привет, — Лёшка заглянул в кабинет, смахивая с плеч тёмно-синего пуховика капли растаявшего снега.

— Долго ты спишь, Ненахов, — не глядя на него, бросила Вера и, записав цифру в журнал, бережно убрала лекарство в сейф.

— Да в пробке завис как всегда. «Москва-а-а, люблю тебя-а-а», — насвистывая старый хит, Лёшка прошёл в тесную раздевалку и открыл шкафчик, до отказа забитый одеждой сотрудников. На нижней полке кучка стоптанных шлёпанцев, туфли со сбитыми набойками. — Девчонки, вы б прибрались тут хоть раз, — не без боя вытягивая свободную вешалку, пожурил Ненахов.

Вера лишь фыркнула, отмахнувшись. Командир. Надо ему – пусть сам убирает.

Бросила взгляд в прореху приоткрытой двери: реаниматолог стоял к ней лицом, бегло расстёгивая пуговицы куртки.

— Вер, может, по кофейку? Автомат вчера заправили, говорят, — Лёшка скинул свитер, оставшись в обтягивающей чёрной футболке. Рукава соблазнительно облепили тугие мышцы, под весёлым принтом с миньонами угадывался рельефный торс. Надев форменную голубую рубашку, без стеснения стянул брюки.

Вера тактично отвернулась, улавливая краем уха лязганье пряжки ремня. Давно забытый звук, почти стёртая из памяти картина...

Сколько же у неё не было мужчины? Полгода точно. Последний роман с парнем по имени Костя не закончился ничем. Ни хорошим, ни плохим. Они просто разбежались, как в море корабли, утонув каждый в своих проблемах.

Не сошлись характерами – объяснила она маме, понимая, что часто уж она не сходится характерами с лицами противоположного пола.

Она нравилась мужчинам, не Матильда – именно она. За ней пытались ухаживать, водили по ресторанам и театрам, но со временем ретировались, уставая биться о лёд её непробиваемой брони. Да тот же Лёшка ей прохода не давал, но не тянуло. Ни к кому не тянуло.

Вспомнила прикосновения Назара – и словно жаром обдало. Так не вовремя. Сразу же мысли приняли иной вектор, даже забыла, чем занималась всего минуту назад.

Вернувшись тогда домой, она целую ночь не могла сомкнуть глаз, по крупицам перебирая в памяти события вечера: их столкновение в тёмном коридоре, его сильные руки, сжимающие свечу, а чуть раньше её саму под предлогом спасения... Лишь к утру удалось провалиться в тревожную дрему, и сразу же полусном-полуявью пришло видение, продолжение кошмара.

Его глаза... *Это же его глаза.*

Но ведь этого не может быть! Это невозможно! Сумасшествие, не иначе.

На следующий день, трясясь в переполненной электричке, она думала только о том, увидит ли его снова... Она стеснялась признаться в этом даже самой себе, но когда в тамбуре мелькнуло чьё-то чёрное пальто – сердце предательски ухнуло.

Показалось...

Она хотела увидеть его, безотчётно выискивая глазами знакомый силуэт. Как последняя дура трижды находила повод прогуляться по мрачному коридору, придумывая нелепые оправдания своему дурацкому поведению.

Тёмный прямоугольник его окна не загорелся до конца её смены, он не прошёл мимо, не заглянул. Исчез.

С одной стороны это стало своего рода облегчением, но с другой... Какой-то абсолютно нездоровый интерес к чужому мужу. Мужчине с тёмным прошлым и глазами человека, который едва не сломал её жизнь.

*Промедол** – сильнодействующий анальгетик.

*Морфин** – сильнодействующий анальгетик природного происхождения.

Часть 17

— Всё, идём. Идём-идём, — Лёшка вышел из раздевалки и похлопал её по плечу, потопливая. — А то сонная ты какая-то. Взбодрись, Донская, совсем тебя подработки твои доконали.

— Ну давай, десять минут урву, пока у Троекурова магний капает, — Вера захлопнула журнал и устало потянулась. Задвинув стул, неторопливо направилась к выходу.

— А, подожди, стопэ, телефон забыл, — щёлкнул пальцами Лёшка. — Just a moment, мадам, — и скрылся за дверью кабинета.

Ни на секунду не расстаётся со своим телефоном!

Однажды Вера со Светой стащили его Нокиа и заглянули ради хохмы в историю входящих смс, так там одних женских имён – мама дорогая! А уж что они писали – в приличном обществе о таком вслух не говорят.

— Всё, прошу, — Лёша игриво подставил локоть, опуская плоский смартфон в карман брюк. — И вот, ты ключи от сейфа на столе оставила, — вложил в её ладонь крошечные ключики, помеченные цифрами.

— Вот чёрт, совсем закружилась, — выругалась Вера.

Оставить на столе ключ от сейфа с сильнодействующими лекарствами – высшей степени халатность! Это всё он – Туманов, как всегда не вовремя влез в голову и попутал все карты.

Перешучиваясь и бросая друг в друга колкие фразы, коллеги спустились в холл первого этажа и оккупировали кофейный автомат.

Звякнула монетка, укатившись в прожорливую прорезь, машина тихо загудела, и с лёгким «пш-ш-ш» в выпавший бумажный стаканчик полилась ароматная жидкость.

Мимо сновали заполняющие коридор больные и их навещающие: люди переругивались у окошка регистратуры, кашляли, хромали, опираясь на костыли. Шуршали пакеты с передачками.

— Привет, Вер. И ты за кофейком? – подрулила Алла из хирургического отделения, демонстративно игнорируя Ненахова. Повернулась в тому спиной, подчёркивая его полную незначимость. Словно тот пустое место.

Не так давно у них закончился роман, и закончился так себе – Алла всеми силами пыталась скрыть, насколько сильно уязвил её женское самолюбие этот знойный ловелас, но в глубине души всё-таки лелеяла надежду на скорое примирение.

Вере было немного жаль Аллу, как и всех, кому этот сердцеед навешал на уши лапши, а потом благополучно слился.

— Здравсьте, Зинаида Степановна, — кивнула Алла прошедшей мимо старенькой гардеробице. Та едва заметно кивнула, грустно скрывшись в своей каморке.

— Что это с ней сегодня? Обычно приветливая такая, — проводила её взглядом Вера.

— Да ты что? Сегодня же второе число... Годовщина, — понизила тон Алла и многозначительно повела бровями.

Вера ахнула, коря себя за дырявую память. Действительно, сегодня же годовщина смерти дочери Зинаиды Степановны – Оксаны. Год назад девчонка трагически погибла – нелепо, от рук какого-то психопата. Сначала накачал какой-то дрянью, а потом изнасиловал, ещё и оставил умирать на мёрзлой земле заброшенного ангара. Жуткое было зрелище, говорят.

Искали этого монстра всем миром – но безуспешно, ни одной улики.

Вера её плохо знала – Оксана только закончила медицинской институт и работала у них всего лишь пару месяцев, но ей было безумно жаль девчонку и особенно её мать, которая,

собрав волю в кулак, старалась держаться, давая волю слезам лишь в потаённых уголках больницы.

— Я возьму, ладно? А то у меня там цейтнот, — не дожидаясь ответа, Алла забрала наполненный стаканчик Веры и, задев Ненахова бедром, пошлёпала к себе в отделение.

Лёшка безразлично мазнул взглядом по бывшей, закидывая в аппарат очередную монету.

— Козёл ты Лёшка, вот кто, — нахмурилась Донская.

Сколько их ещё таких будет, брошенок? Да что бы она поддалась на его чары – ни за что! Латай потом раненое сердце, на нём и так места живого не осталось.

Часть 18

Солнечные лучи отражались от искрящегося снега, создавая иллюзию рассыпанных драгоценных кристаллов.

Еловые макушки взмывали ввысь, в чаше старого фонтана резвились воробьи, вырывая друг у друга засохшую корку.

Вера плотнее запахнула шарф и согрела дыханием озябшие руки.

Лариса, укутанная в клетчатый плед поверх соболиной шубы, безразлично наблюдала окружающую красоту. А днём в такую хорошую погоду здесь действительно было красиво и совсем не жутко.

В неприветливых окнах отражался солнечный диск, и казалось, что старый замок-склеп не настолько безнадёжен, и в него ещё можно вдохнуть жизнь.

В который раз Вера будто бы невзначай скользнула взглядом по окну спальни Туманова. Тяжёлые гардины наглухо зашторены, ни ответа, ни привета. Словно сквозь землю провалился. С той встречи в тёмном коридоре она больше его ни разу не видела.

«А жаль», — мелькнула шальная мысль. Интересно, какого цвета его глаза днём? Или он как вампир, до захода солнца не высовывается из своей конуры? Похоже на то.

Её раздражали мысли о нём. Он странный, дикий, себе на уме. Быть может, он вообще убийца! Чистой воды мазохизм – думать о мужчине, который, возможно, собственными руками душил жену. Но она думала, вопреки логике и здравому смыслу – думала постоянно.

Позади послышался скрип снега. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять – это он.

Вцепилась в ручки инвалидного кресла, улавливая периферийным зрением размашистые движения его шагов. Полы расстегнутого пальто свободно шлепали по лодыжкам, а вместо привычного траурно-чёрного костюма... обычные синие джинсы и серый джемпер. На ногах – тяжёлые военные берцы.

— Здравствуйте, Вера, — произнёс он, и колени подкосились от его чарующего тембра. Спасаясь от солнца, он сощурил глаза, казавшиеся сейчас серебристыми.

Это он? Назар Туманов? Не обман зрения? Другой, абсолютно. Волосы небрежно падали на лоб, на щеках проступил румянец.

Не призрачный дьявол, а живой человек из плоти и крови.

— Здравствуйте, — вдруг севшим голосом пролепетала в ответ, ощущая себя круглой идиоткой.

Чёрт знает что такое, но рядом с ним она сама себя не узнавала – блеет, как овечка. А бросив взгляд на его губы, и вовсе ступевалась. Чувственные, даже немного женственные, идеально очерченные алые губы...

Торопливый топот лап и сиплое дыхание словно вернули её с небес на землю: два чёрных ротвейлера выскочили из-за угла дома и как кроткие покорные щенки пристроились у ног хозяина, бросив на снег обгрызенную деревяшку.

Назар наклонился и, почёсывая псине холку, зубами стянул со свободной руки перчатку. Сунув ту в карман, поднял палку, как следует замахнулся, зашвырнув «добычу» к самым воротам. Вера выцепила взглядом краешек оголившегося живота и ощутила, как кровь прилила к щекам.

— Любите собак? – прикрыв глаза козырьком ладони, вдруг спросил он.

Вера кивнула, хотя собак терпеть не могла.

Всё это было очень странно. Это был он, и в то же время будто кто-то другой. Вера даже испытала что-то вроде разочарования. Как если бы ты верил в деда мороза и вдруг увидел, как

этот милый чудаки снимает накладную бороду, садится в свой Пежо и, отработав смену, валит в бар зарядиться тёмным нефилътрированным.

Нормальный мужчина, не призрак, шуршащий по темным коридорам. Но всё равно, несмотря на кажущуюся приземлённость, он оставался чертовски таинственным, и эта метаморфоза с внешностью лишь ещё больше убедила в том, сколько же всего скрывается за этой его маской мистера икс.

Разный, безумно волнующий...

Небрежным движением руки Назар откинул волосы назад и поднял воротник пальто. Наблюдая за вырывающимися друг у друга палку собаками, извлёк из кармана пачку сигарет

— Хорошего дня, — подкуривая, зашагал навстречу несущимся вприпрыжку ротвейлерам. Те радостно бросились крутиться вокруг хозяина, подсакивая на задних лапах, завывая и тыкаясь влажными носами в его ладонь.

Вера не отрываясь смотрела на его скрывающуюся за воротами фигуру. Ни разу не обернулась. А она ждала. Зачем — непонятно. Но отчаянно хотела.

Часть 19

Ночью её снова ждала смена в «Магнолии». Вопреки железной уверенности, что ещё одна подработка никак не отразится на самочувствии, ведь дома у Крестовского она и не делала практически ничего – целый день дремала с книгой да слонялась из угла в угол, но всё равно организм требовал полноценного отдыха.

Послать бы Вазгена с его клубом, да совесть не позволяла. Каким бы он ни был, он всё-таки был добр к ней, относился гораздо снисходительнее, чем к коллегам по цеху. К тому же Вера уговаривала себя, что месяц пролетит очень быстро, а потом – прощайте, пилон и ненавистный парик.

Она устала – физически, морально. Эта работа не приносила ей удовольствия, скорее наоборот, но она приносила деньги, и это здорово усыпляло бунтующую капризную девчонку, коей Вера до сих пор себя ощущала. Внутри, очень глубоко. Девчонку, которую Вера скрывала от всех, даже от самой себя. Ведь она не имеет права быть слабой, не имеет права жаловаться.

Она слишком рано повзрослела, слишком много видела, слишком много пережила – некоторые за целую жизнь столько не хлебнут, сколько она успела за двадцать девять лет. А последнее событие, случившееся три года назад, и вовсе в корне перевернуло всё её мировоззрение, и тогда же у неё появилась цель.

«Ты должна работать не покладая рук. Тебе нужны деньги!» — как мантру повторяла она, каждый раз надевая ненавистную маску. Чувство долга и всепоглощающей вины тоже не давало ей права расслабиться.

Ты обязана страдать за содеянное до конца своих дней.

— Да что с тобой сегодня? Двигалась как покалеченная макака, — прогнусавил Вазген, вламываясь в гримёрку. — Иди в приват-рум, быстро, — похлопал её по ягодицам, поторапливая.

— Это шутка? – соскальзывая со стула, округлила глаза Вера.

— Детка, только давай без этого, хорошо? Не строй из себя чёртову святошу. Какая разница, трясти сиськами для пятидесяти человек или для одного?

— Мы так не договаривались! Матильда не танцует приват, ни для кого!

— Иди, мать твою! – Вазген взял её под локоть и силой вывел в коридор. – Он хорошо заплатил, а деньги не пахнут, рыбка. Тем более, ты собралась от меня валить – я обиделся.

— Вазген, хочешь, я схожу? Как обычно – крейзи-меню? – выглянула из гримёрки Золоторёва.

— Лили, если бы клиент захотел тебя – я позвал бы тебя. Уйди, не мешай, — отмахнулся как от назойливой мухи, захлопывая перед её носом дверь. – Идём же, — потащил Веру практически силой. – Тайна, не тайна – к чертям, если на горизонте маячит куш.

Вера негодовала. Нет, она была в бешенстве! Танцевать для всех или кого-то одного тет-а-тет – разница огромная. Зачастую подвыпившие клиенты распускают руки, и хоть в приват-румах находились скрытые камеры, видео с них всё равно не уходило дальше пульта охраны. Даже если клиент озверевает и нападет на танцовщицу, скорее всего, дело замнут – слишком влиятельны люди, которые к ним ходят, проблемы никому не нужны.

Официально секс с клиентом был под строжайшим запретом, а вне стен клуба хоть трава не расти. Обычно девочкам удавалось договориться о продолжении банкета после рабочей смены, и случая реального изнасилования в их заведении не было ни разу. Ну, или их очень тщательно замалчивали.

Такая вот жизнь, и ведь не посетуешь – все, кто приходил в «Магнолию», делали это по собственной воле, стало быть, были готовы ко всякому. В конце концов, не плюшками торговать пришли, сфера подобного рода услуг всегда сопряжена с риском.

Вере это всё претило. Она больше ничего не умела – только танцевать, и зарабатывала на этом как могла. Она не любила мужчин, чувствовала неподдельное отвращение, наблюдая за их сальными глазами, ненавидела их жадные прикосновения и покрытые испариной желания лоснящиеся лбы. В общем зале у пилона она абстрагировалась от действительности и танцевала, руководствуясь разумом. Долг по ипотеке уменьшался, тумбочка матери была наполнена нужными лекарствами, а холодильник – едой. Но, танцуя тет-а-тет для клиента, она чувствовала себя уязвимой и незащищённой. Она осталась у Вазгена только лишь потому, что он избавил её от этой унижительной участи. И вот, придётся проходить это вновь...

Ей казалось, что психологическая травма, которую она пережила будучи подростком, осталась далеко позади, под ворохом воспоминаний. Она специально выбрала такой сложный путь – наступила на горло страхам и пришла в стриптиз, чтобы доказать себе, что сильнее демонов прошлого, что её не сломало то, что произошло в том промозглом сарае в канун нового года... Но всё это было самообманом. Она всё помнила, помнило её тело, и вновь возродившиеся ночные кошмары были тому живым подтверждением.

— Вазген, пожалуйста... — ещё раз попыталась Вера, понимая, что это бесполезно. Тот лишь шикнул, нетерпеливо кивнув головой на дальнюю комнату в конце коридора.

А и гори оно всё! Один раз ничего не изменит. Стянув со лба маску, надвинула чёрный бархат на глаза.

Чёртов Багдасаров, чтоб ему пусто было! А Вера была более чем уверена, что приват оплатил именно он. И оплатил крайне щедро, раз босс решил поменять сложившееся правило.

Старый прижимистый извращенец дошёл-таки до ручки и решил стать первооткрывателем. Её едва не стошнило от мысли, что этот отвратный колобок будет трогать её своими пальцами-сардельками и считать своей вещью. Увы, но пока тикает счётчик, она хоть и не полностью, но будет принадлежать ему.

Ну ничего, она устроит ему горячий приват. Мало не покажется.

Негодую, отодвинула тяжёлую занавеску, погружаясь в тёмно-бордовый бархат крошечной комнаты. Вопиющая вульгарность.

В воздухе душными испарениями клубился аромат ванили, из скрытых колонок мягко лился эротический трек.

Кожаное кресло для важного гостя пустовало.

Ну и отлично. Её время уже пошло, и её ни грамма не колышет, где носит этого индюка.

Переполненная злостью, решительно поднялась на круглый танцпол, вскинула взгляд и буквально застыла – в самом углу комнаты, погрузив ладони в карманы брюк, стоял Туманов.

Часть 20

Сердце почти остановилось... и тут же припустило со страшной силой, грозясь пробить грудную клетку мощью титанических ударов.

Он здесь? Как? Каким образом?

Это совпадение, просто совпадение, — шептала мысленно, с огромным усилием вымучивая из себя первые движения. Неловкие угловатые наклоны, способные разве что рассмешить, но никак не завести мужчину.

Отточенное годами мастерство полетело прахом — она словно забыла как это — двигать руками и ногами. Лодыжки налились свинцовой тяжестью — невозможно шаг сделать, не то что танцевать.

Абстрагироваться от мужчины, который тебе безразличен — легко, но как же сложно, когда он вызывает в тебе такую неконтролируемую бурю эмоций.

Отделившись от стены, Туманов подошёл ближе. Медленно обошёл кресло, сел, положив руки на обшитые кожей подлокотники.

Черный костюм, белая рубашка, на груди из-за расстегнутого ворота темнело пятно татуировки.

Он не смотрел на её тело, оно его словно не интересовало, он заглядывал ей в глаза, цепко, не теряя контакта.

От утреннего Назара, играющего с собаками во дворе, не осталось и следа — он снова был прежним Тумановым: холодным, собранным, безэмоциональным.

«Он не знает, что это ты, расслабься», — призывал внутренний голос и тут же протестовал, что подобных совпадений не бывает.

Он знал, что это она. Именно поэтому он здесь.

Вера эротично выгнулась, ожидая уже ставшей привычной реакции — всплесков рук, одобрительного цоканья, брошенной в порыве похвалы.

Но ничего. Тишина. Он словно не замечал её сексуальности, её практически полностью обнажённого тела.

Тут уже разыграло самолюбие, поделенное на обиду.

Она не достаточно красива для него? Его не заводят её формы? Даже бровью не повёл, смотрел будто надоевший рекламный ролик — ни одной эмоции.

Ком негодования возрастал со страшной силой: танцевать для чужого мужчины, который тебя просто купил — унижительно, а танцевать, не видя ответной реакции — унижительно вдвойне.

И вроде бы чёрт с ним, но нет, она не хотела остаться в его памяти крутящимся у шеста куском мяса, она хотела, чтобы он её возжелал, и так сильно, чтобы крышу снесло.

Она убеждала себя, что делает это только ради того, чтобы указать ему его место, но в глубине души побеждено осознавала, что действительно хочет произвести на него неизгладимое впечатление.

«Обняв» ногой пилон, грациозно скользнула вниз, легла спиной на прохладный танцпол и тут же встала — она не будет лежать у его ног, ни за что!

Вложив в движения всю свою женственность, Вера спустилась вниз, неспешно обошла кресло и, покачивая бёдрами под эротичные ритмы, встала напротив. Томно наклонилась, осторожно провела ладонью по его напряженному бедру, чуть выше... Обычно к этому моменту мужчины уже истекали слюной, похотливо лапая танцовщицу, потирали скорее

снять всё оставшееся, Назар же так и сидел, не шевелясь. Взирает на её поползновения с долей скуки и будто бы даже пренебрежения.

Ему плевать! Плевать! Его не заводит твоё никчёмное тело, идиотка!

Глаза наполнились слезами обиды – так её точно никогда не унижали. Хотелось бросить всё и убежать, но она приказала себе не сдаваться, не доставлять ему подобной радости.

Она не знала, зачем ему это нужно, что за игру он затеял, но она не позволит себе проиграть!

Мгновение – и она уже сидит верхом на его коленях. Оглушительные удары сердца били по перепонкам, сквозь пелену невысохших слёз она изо всех сил боролась со сталью его пронзительных глаз.

Что за тайну скрывает этот серый бездонный омут?

Она хотела, чтобы он сдался первый... но не выдержала. Опустила глаза, всеми силами борясь с рвущимися наружу эмоциями. Как хорошо, что на ней маска. Она скрывает обиду и... позорное желание, что словно тягучая патока наполнила её изнутри. Мозг, сердце, низ живота – жгучая болезненная лава рикошетом прошила тело, расщепляя на невесомые атомы.

Никогда она не желала своих клиентов, ни разу. Она вообще очень давно не желала мужчину. Но Туманов...

Это обескуражило, лишило точки опоры, пограло принципы и соблюдаемую годами догму.

Она завела руки назад, расстёгивая ажурное кружево лифа, но тут произошло то, что шокировало, выбив почву из-под ног – он её остановил. Мягко дотронулся до предплечья и лишь два слова:

— Не надо.

Его слова словно удар под дых – лишили воздуха, убив на корню карабкающуюся сквозь фобию, комплексы и стыд женщину. Веру. Её настоящую.

Никчёмная! Он не хочет на тебя даже смотреть, не то что трогать.

Его силуэт появляется и тут же теряет очертания, расплывается... Слёзы льются по щекам, чёрный бархат впитывает соль и непролитую горечь.

Именно сейчас, сидя у него на коленях, впервые за много лет ощутив себя живой – она словно умерла.

Музыка стихла, оповещая, что концерт окончен... Матильда обессиленно поднялась с его колен, втянула голову, собирая губами слёзы. Села на край сцены, отвернулась и, сбросив стрипы, подтянула ноги к груди.

Никогда ещё она не чувствовала себя настолько грязной и использованной. Хотя он к ней даже не прикоснулся.

Сзади слышались тихие шаги, шелест тяжёлых занавесок из искусственной кожи. Он ушёл. Молча, как и появился.

Чужой муж, потенциальный убийца, холодный бесчувственный сухарь!

Но он ей нравился! Нравился!!!

С первой минуты их молчаливой дуэли он словно смертоносный вирус проник ей под кожу, пробрался к сердцу, чтобы потом пройти по нему пыльными ботинками.

Зачем он так унизил её? Зачем пришёл? Кто он вообще такой, чёрт возьми?

— Вер, ты чего тут сидишь? – отодвинув занавеску, в приват-рум вошла Нина. Залитые лаком локоны тугими спиральками рассыпались по обнажённым плечам.

Яркий макияж, откровенные бикини...

Что она здесь делает? Эта милая молодая девушка, которая печет изумительные пироги с картошкой, катается по выходным с сыном на великах и рыдает над слезливыми сценами мыльных опер.

Что делает здесь она сама, Вера? Неужели вот этот грязный мир – это единственное, чего они заслуживают?

— Вер, ну ты чего? – Нина присела рядом и, закинув за спину волосы, ласково погладила подругу по плечу. – Он что, приставал к тебе? Предлагал секс?

Вера быстро замотала головой, размазывая мокрые дорожки.

— Он ничего не сделал. Совсем ничего...

— Тогда я вообще не понимаю...

— Да и нечего тут понимать. Этот мужчина – муж Ларисы, Назар Туманов, я рассказывала тебе о нём.

— А-а, тот самый, — обернулась на выход Нина. — Я видела его только мельком, если бы знала, рассмотрела бы получше его наглую рожу. Вот он урод! Жена полутруп, а он по клубам шляется! Он узнал тебя?

— Я не знаю, — тихо прошептала Вера, шмыгнув носом.

Она сама не понимала своей реакции, никогда она не была изнеженной нюней, никогда не роняла слёзы из-за мужчин, а тут расклеилась.

Но что было ещё более удивительным, это когда Нина назвала его уродом, вся сущность Веры взбунтовалась, хотелось выкрикнуть: «нет, он не такой!». Он только что унизил её как женщину, а она готова за него заступаться. Ну не дура ли?

— Вер, он что, нравится тебе, что ли? – догадалась Нина, недоверчиво покосившись на подругу. Тяжёлая занавесь чуть качнулась: девушки молча переглянулись. Недолго думая, Нина резко подорвалась с места и выглянула наружу. — Золоторёва, какого хрена ты тут делаешь?

— А что, нельзя? – Надя с ухмылкой кивнула на Веру. — Что, Донская, запала на женатого клиента?

— Надь, не свалила бы ты по-хорошему, — угрожающе сдвинула брови Нина.

Все знали, что Калугина хоть по натуре своей человек и не конфликтный, но если её разозлить – вцепится в волосы и глазом не моргнёт.

Надя огрызнулась, бросила ещё пару язвительно-ласковых, но всё-таки свалила.

— Не обращай внимания, на больших не обижаются, — подбодрила Нина и снова присела рядом. — Так что там с этим Назаром?

— Давай потом, ладно? Я так устала... — забрав со сцены парик и туфли, Вера поплелась на выход.

— Ну хорошо, потом – значит потом. Ты домой?

Девушка кивнула. Ноги её здесь больше не будет. К чёрту Вазгена! И деньгами своими пусть подавится.

Сегодня в ней что-то будто окончательно сломалось. Своим появлением здесь Назар будто открыл ей глаза на всё то, чем она занимается. Она меньше всего хотела чувствовать себя куском мяса, но в итоге всё вышло гораздо хуже – она почувствовала себя никем, пустым местом.

Вера спешно переоделась и, не снимая грим, поспешила убраться. Подальше отсюда, даже лишняя минута, проведенная в этом месте, отвращала донельзя.

Перекинув сумку через плечо, открыла дверь черного хода и вышла в морозную декабрьскую ночь. Утопая в глубоком снегу, выглянула за ворота: где-то здесь должна стоять старенькая кляча Женьки. Хотелось поскорее погрузиться в тёплый салон такси и очутиться дома, принять горячую ванну, смыть невидимую глазу грязь... Как жаль, что нельзя извлечь душу и пройтись по ней намыленной щёткой

— Пс-с! Верунчик! – раздалось откуда-то сзади. Вера резко обернулась и уткнулась взглядом в вихрастую макушку Ненахова, торчащую из приоткрытого окна "Хендай".

О, Господи! Он-то здесь что делает? Ещё и в три часа утра!

— Ненахов, какого дьявола ты здесь ошиваешься? – наклонилась к окну и только потом вспомнила, что не сняла накладные ресницы, да и вообще лицо было раскрашено словно рождественская ёлка.

— Вер, ты что, официанткой в стриптиз-клубе работаешь? – прикрыв рот ладонью, приснул Лёшка. – Да ты не бойся, я никому не скажу! Могила!

— Как ты меня нашёл? – перебила Вера, закипая. Вот надо было так попасться!

— Не поверишь – случайно! Ехал от друга, он на Новоизмайловской живёт, и увидел, как ты в эту богадельню заходишь. Ну и сложил два и два. Да ты садись, подвезу, — перевалился через пассажирское кресло и щёлкнул замком двери.

Чертыхаясь на чём свет стоит и утопая в навалившем за каких-то пару часов снегу, Вера плюхнулась рядом с коллегой. Глупая ситуация, но хотя бы он не до конца её раскусил, и то хорошо.

— Слушай, ну ты прям красотка, — кивнул на её размалёванное лицо. – Вы там топлесс, что ли, кьянти посетителям разносите?

— Очень смешно! Поехали лучше! – пристегнула ремень Вера. – Только, пожалуйста – не трепись на работе, хорошо?

— Ладно-ладно, — вскинул ладони Ненахов. – Только не злись. Да и в конце концов ты же не стриптизершей работаешь, так что ничего такого в этом нет. Ну официантка, ну в заведении для взрослых, подумаешь.

Вера отвернулась, наблюдая, как в ворота въехал Женькин "Ниссан". Интересно, что сказал бы Ненахов, узнай наверняка, кем она тут трудится?

— Вер, заканчивала бы ты это всё, — выруливая на Ленинский проспект, уже серьезно произнёс Лёша. Дворники остервенело разгоняли налипший снег, размытый свет мелькающих фонарей урывками освещал его сосредоточенное лицо.

— Что – всё? – после минутного раздумья спросила Донская.

— Да вот это. Подработки твои ночные, вкалываешь на износ. Не твоё это всё, Вер. Тебе бы мужика нормального да детей воспитывать.

— Ох, Лёха, я бы рада, но только где нормальных носит, не подскажешь адресок?

Он обернулся и без тени улыбки заглянул ей в глаза. Невероятно красивый, статный. Мощные плечи, мужественный кадык. Да в больнице все просто умрут от зависти, если она с Ненаховым закрутит.

— Ты же мне даже шанса не даёшь, а мне, между прочим, всего год ипотеку платить осталось, жених завидный. Так что ты подумай насчёт свидания.

Улыбнулся. Красив, чёртов жучара. Но не ёкает. Совсем не ёкает. Пусто!

Даже злость пробрала. Ведь ничего не стоит один раз на свидание сходить, а вдруг?..

— Ладно, я подумаю. На дорогу лучше смотри, — уже мягче ответила Вера, мысленно укоряя себя за упёртость.

Почему не он – страстный и горячий – вызывает у нее бешеное биение сердца, а осколок ледяного айсберга по имени Назар? Почему от одного только взгляда на него, Туманова, её внутренности будто скручиваются тугим узлом, и тайные желания, запертые в глубине подсознания, ломают все барьеры и рвутся наружу? Почему?

Может, клин клином? Ей нужно разобраться в себе, понять! Прямо сегодня, сейчас.

— Спасибо тебе, Лёш, — отстегнув ремень безопасности, тихо поблагодарила Вера.

— Готов повторить сей подвиг, только попроси, — краешком губ улыбнулся он.

Из динамиков чуть слышно лился джаз, хлопья снега мягко оседали на лобовое стекло, тихо постанывая, кряхтел остывающий мотор.

Вера подалась вперёд и коснулась ладонью его колючей щёки, легко тронула поросль губами. Ненахов аккуратно перехватил её руку и притянул к себе ближе, наклонился, вбирая в себя остатки её алой помады.

Умелый поцелуй настоящего мужчины, который точно знает, как соблазнить женщину, знает, как сделать ей приятно...

Вдруг Вера вырвалась, нашаривая рукой сумочку.

— Прости, Лёш, ради Бога. Не знаю, что на меня нашло, — нервно усмехнулась, ища в его лице поддержку.

— Давно меня так не обламывали, — он провел ладонью по губам, но всё-таки улыбнулся. — Вот ты динамо, Донская.

— Забудем, о'кей? Спишем на... в общем, пока, — накинув капюшон, Вера выбралась на улицу и торопливо скрылась в подъезде.

Пусто! Глухо! Ничего!

Почему?

Перед глазами снова образ Назара в кресле, его пристальный холодный взгляд... и этот холод вопреки законам природы воспламенял, оставляя после себя обугленные головешки.

Это наказание какое-то! Злой рок, не иначе!

И как завтра она будет смотреть ему в глаза? После всего, что произошло...

А вдруг всё-таки он не знал, что это она? Ну вдруг? Она же была в маске...

Крошечная надежда покрутила у виска и убралась восвояси.

Разумеется, он знал. Он пришёл ради неё. Чтобы её унижить.

Часть 21

Прошлое

#####

Рука заскользила ниже, юркнула под оборки пышной концертной юбки.

— Не бойся меня, Вер, всё будет хорошо.

Нет! Нельзя! Не хочу!

Реальность происходящего уплывала, ей казалось, что всё это происходит не с ней, но его настойчивые пальцы под бельём грубо выдернули из полубессознательного морока.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, она что есть силы закричала.

Грубая ладонь зажала рот, придавив затылок к покрытым инеем брёвнам. Она пыталась вырваться, ударить его в пах, заломать руку, как учили на уроках ОБЖ, но лишь беспомощно трепыхалась, словно рыба, выброшенная на берег.

— Да прекрати ты ломаться, как будто святая. Святые так жопами не крутят, — алкогольные пары ударили в нос, к горлу подступила тошнота.

Глаза наполнились слезами ужаса, превращая его силуэт в неясное мутное пятно.

— Олег, пожалуйста! Пусти, я никому не скажу, обещаю, — рыдая, промычала в его пропахшие никотином пальцы.

Но он словно её не слышал. Серые глаза цвета расплавленной стали заволокло безумной поволокой. Невидящие глаза сумасшедшего. Абсолютно пустые.

Сильный рык. Хруст заиндевевших досок под ногами. Прерывистое дыхание.

Стиснув челюсть, Вера закрыла глаза. Сознание отключилось, уплыло куда-то назад, в далёкое прошлое...

#####

Тусклый свет настольной лампы, старая реечная кровать, ласковый мамин голос, шепотом напевающий колыбельную:

Бай-бай, бай-бай,

Поди, бука, на сарай,

Поди, бука, на сарай,

Мою детку не пугай.

Я за веником схожу,

Тебя, бука, прогоню,

Поди, бука, куда хошь,

Мою детку не тревожь.

#####

Медленно открыла глаза, смаргивая влажную пелену. В прорехе между брёвнами завывал ветер.

Белый снег, рваный кусок грязного неба и стремительно удаляющийся силуэт в шапке-ушанке...

Часть 22

Вера вскрикнула и, тяжело дыша, резко села на кровати.

Что случилось? – в комнату забежала мама и щёлкнула выключателем. Яркий свет ударил по глазам, заставив поморщиться.

— Мам, выключи!

Зоя Пална поспешно выполнила просьбу, и комната погрузилась в темноту. В окна заглядывал серый рассвет. Часов семь утра, не больше.

— Снова кошмары?

Вера кивнула, растирая будто присыпанные песком веки. Силуэт убегающего мальчика всё ещё стоял перед глазами, и эти толчки, удары худенького тела о мёрзлую стену...

— Вер, пожалуйста, уходи из этого ресторана! Ты не спишь совсем, это может плохо закончиться! Вспомни, три года назад...

— Мам, пожалуйста, хватит! – нажала пальцами на виски, ощущая глухие удары в грудную клетку. – Я всё прекрасно помню!

— Может, сходишь снова к тому психологу? Я волнуюсь за тебя, — Зоя Пална с мольбой смотрела на дочь, заставляя Веру ещё острее ощущать всепоглощающее чувство вины. За обман, за всю ту грязь, что она притащила в свою жизнь, за свои странные чувства к несвободному мужчине.

Мама считает её чистой девушкой, которая, несмотря на исковерканную юность, смогла выстоять, смогла победить страхи. Она считает, что её дочь не сломалась, хотя сама же Вера ощущала себя разобранной, а потом наспех, кое-как слепленной заводной куклой.

Эти сны тревожили её. Она стала злой, дёрганой, излишне подозрительной. Появилась уже знакомая паранойя и неконтролируемая нервозность. А ещё панические атаки, она чувствовала их приближение...

Она снова сходит с ума.

Как и три года назад она уже не могла справиться со всем сама, звенящие нервы становились всё тоньше, грозясь лопнуть в самый неподходящий момент. Нельзя этого допускать! Ни за что! Три года назад это едва не закончилось катастрофой. Вера обречённо поняла, что мама права – ей снова нужна помощь.

Нужно разобраться в себе, докопаться до истины и узнать, почему же именно сейчас, казалось бы, давно забытое прошлое вновь постучалось в её сны.

Что стало тем катализатором? Или, может быть – кто?

Часть 23

Из приоткрытого окна тянул сквозняк; запахнув плотнее пиджак, Вера безразлично установилась на коричневую дверь со скромной табличкой «Новикова Ю. Н.».

Разлапистая монстера в салатном кашпо, кривые репродукции Парселье в весёлых разноцветных рамах, ковролин в затейливые завитушки – всё здесь словно кричало: «э-ге-гей, жизнь чертовски прекрасна, оглянись, бро!». Но всё это было обманом, запудриванием мозгов, имитацией, как и поддельные картины на стене.

В медико-психологический центр «Гармония» обращались те, у кого по тем или иным причинам потекла крыша: панические атаки, фобии, травмы детства, неврозы – лишь малый перечень существующих ныне недугов, которым в наши наполненные стрессами дни подвержен каждый третий человек. Удручающая статистика, кошмарная... Улыбчивый сосед по лестничной клетке, приветливый продавец из пекарни за углом, добродушная попутчица в метро – каждый из них может быть бомбой замедленного действия.

Несколько недель назад старый знакомый Веры попал под поезд. В последние секунды жизни он улыбался в камеру видеонаблюдения, а через мгновение его не стало. А ведь ещё утром человек строил планы: изучал в интернете горящие туры в Турцию, записался к стоматологу и купил свежий выпуск еженедельной газеты, но накопившийся стресс внёс свои коррективы.

А пару дней назад мужчина, страдающий хронической депрессией, накинута с ножом на жену...

И таких историй сотни, тысячи, и Вера ужасно боялась пополнить их список. Утром она приняла решение, что всё же сходит на консультацию к Юлии Николаевне. Новикова, как профессионал своего дела, вновь поможет ей расставить мысли по полочкам, навести в голове порядок. Прошло ровно полтора года после их последней встречи, и Вера искренне считала, что справилась, пережила кошмары прошлого, но ещё более застарелые скелеты вновь подтолкнули её распахнуть двери «Гармонии».

— Верочка, какой приятный сюрприз, — голос мозгоправа был тихим и сладко-тягучим, словно цветочный мёд. Новикова протянула руки и заключила ладони Веры в заботливый кокон. — Признаюсь, твой звонок меня немало удивил.

— Простите, что вот так, как снег на голову...

— Нет-нет, что ты, всё в порядке. В полном. Присаживайся.

Те же мягкие белые кресла из экокожи, тот же приглушённый свет, те же однотонные уютно-бежевые стены. Вера вспомнила, как тряслись тогда её руки, какая каша творилась в голове. Она была на грани, на самом краю перед прыжком в пропасть...

Сейчас она была практически спокойна, испытывая лишь лёгкое волнение от нахлынувших воспоминаний.

— Юлия Николаевна, меня снова начали мучить кошмары...

— Снова то же самое? Связанные с тем происшествием?

— Нет-нет, — быстро замотала головой, прогоняя непрошенные эпизоды и заполняющее нутро чувство вины. — Это... само собой... это всегда внутри... Но сейчас дело в другом... — запнулась, подбирая правильные слова.

— Вера, ты же знаешь – в этих стенах ты можешь говорить всё открыто, — мягкий тембр обволакивал, даруя уверенность и мнимый покой.

— Много... лет назад со мной произошло... кое-что нехорошее... — замялась, с чего-то вдруг начав сомневаться в правильности своего решения. Может, не стоит ворошить прошлое?

Но тёплый взгляд психотерапевта сразу же убедил её в обратном. — В шестнадцать лет надо мной надругались... — в горле удушающей пробкой встал тугой ком. Зелёные глаза напротив лучились участием и неподдельным желанием помочь. Тёплая ладонь накрыла постукивающие о стеклянную столешницу пальцы.

— Почему ты никогда не рассказывала об этом?

— Это осталось далеко в прошлом, я заставила себя забыть, вырвала из памяти этот... — протяжно выдохнув, облизала вдруг пересохшие губы. — Да, мне было больно, было страшно, я испытала шок, но я справилась. Правда, справилась! Моя мама... очень мне помогла. Мы справились с ней вместе.

— Кто это был? Ты знала его?

— Да, это был парень из моего детского дома.

Брови Юлии Николаевны удивлённо взметнулись вверх.

— Ты выросла в детском доме? Но у тебя же есть мать.

— Она забрала меня после... потом...

— Почему ты не рассказывала мне об этом? Это же очень важно! И твоё чувство вины за тот случай, произошедший три года назад, тесно связано...

— Юлия Николаевна! Моё трудное детство, моя приёмная мать, мои заскорузлые травмы никак не связаны с тем, что я натворила той чёртовой зимой! — немного грубо перебила Вера и схватила за стакан, плеснув пару капель воды на джинсы.

Это была дурацкая идея, дурацкая! Что она вообще здесь делает?!

— Продолжай, я внимательно тебя слушаю, — цветочный мёд голоса вновь сгладил ошестинившуюся душу.

Нужно быть спокойнее, ты пришла сюда за ответом!

— Простите, тяжёлая выдалась ночь, — вымученно улыбнулась Вера, поймав в лице психотерапевта поддержку. — Тот парень, Олег, был старше меня почти на два года. Его и ещё нескольких ребят перевели к нам всего лишь за пару месяцев до... — запнулась, — ...до того случая. После произошедшего в их детском доме пожара детей расформировали, и Олег попал к нам. Он был ужасно наглым, совершенно неуправляемым! Вечно задибался, затевал драки, подворовывал у своих же. Никто не хотел с ним связываться, все только и ждали, что ему вот-вот исполнится восемнадцать, и он наконец-то покинет интернат.

— Он с самого начала оказывал тебе знаки внимания? Как-то домогался?

— Да, — кивнула, — постоянно. И ко мне, и к другим девочкам, но ко мне особенно. Просто по пятам ходил, намекал уединиться. Я ужасно его боялась, но виду не подавала — в мире, где я выросла, иначе нельзя, покажешь свои болевые точки, туда же при случае и пнут. Хотя не только я его опасалась — все девчонки, мы даже комнату на ночь баррикадировали с соседками, на всякий случай. Все знали, что никто ему не указ, и если что, он выйдет сухим из воды. Ходили слухи, что в поджоге детского дома виноват именно он. Абсолютно чокнутый, понимаете? — Новикова кивнула, даруя уверенность, что тебя слушают и слышат. — В тот день — это было перед новым годом — мы репетировали в актовом зале праздничный концерт, Олег и ещё несколько мальчишек где-то раздобыли алкоголь и сильно напились: сидели на последнем ряду, смеялись, отвечивали пошлые шутки. Но Олег, он... он ничего не говорил. Он смотрел на меня и молчал... Но смотрел так, что колени подкашивались от ужаса. Перед следующим номером я пошла к нам в блок переодеться и услышала сзади шаги. Я сразу поняла, что это он. Не знаю, зачем я побежала на улицу... если бы я только осталась внутри, со всеми... — Вера рвано выдохнула, взяв тайм-аут, чтобы собраться с мыслями.

Ей казалось, что все давно забыто — ни черта! Здесь, в этом кабинете, она словно превращалась в оголённый провод. Слова рвались сами собой, сплошным потоком.

Ей хотелось исторгнуть всё до последней капли, очиститься. Видимо, пришло время.

Часть 24

Вера прочистила горло, сделала глоток воды и продолжила:

— Я выбежала на задний двор и не раздумывая рванула к старому сараю. Летом там хранили яблоки, пустые банки – всякий ненужный хлам, зимой сарай был закрыт, но я знала, что замок там одно название – совсем хлипкий, мы с девочками иногда прятались внутри за сброшенной в кучу сломанной мебелью, чтобы незаметно покурить. Я думала, что буду там в безопасности! Что он меня не найдёт...

— Но он нашёл тебя? – вкрадчивый голос проникал под кожу, пуская по венам безмятежность и покой.

— Да, нашёл... — Вера опустила глаза, пытаясь проглотить застрявший в горле ком горьких воспоминаний. — Я долго корила себя, считая, что, может быть, это я виновата во всем. Что, может, вела себя как-то не так, отвечала на его знаки внимания...

— А ты отвечала?

— Нет! Никогда! Я боялась его!

— Тогда не стоит себя винить. Он сделал это один раз или...

— Один... Я молилась тогда, чтобы это поскорее закончилось, я хотела только одного – чтобы оставил меня в покое и просто ушёл... А потом я услышала скрип двери, топот ног. Какой-то мальчишка услышал мой крик и позвал на помощь проходившую неподалёку повариху, она и оттащила от меня Олега, — Вера снова опустила глаза и покачала головой. — Его потом посадили. Из-за меня. Я поймала его взгляд, когда его уводили под конвоем из зала суда. И знаете, что я там увидела? Ничего. Он не раскаялся. Он улыбался.

— Что именно побудило тебя вновь оживить в памяти этот эпизод? Может быть, кадр из фильма, какие-то люди из прошлого?

— Мужчина, — выдохнула Вера и с силой втянула носом воздух.

— Мужчина из прошлого?

— Нет, нет, совершенно посторонний. Муж... женщины, у которой я работаю. Когда я увидела его взгляд – меня словно отбросило на пятнадцать лет назад, в тот сарай за детским домом. Это глаза... — подалась вперёд, понизив голос до едва слышного шепота. — Это *его* глаза, понимаете? Олега! Ошибки быть не может!

Юлия Николаевна слегка наклонила голову набок и заговорила вкрадчивым тоном. Слишком мягко, как обычно говорят с теми, кто не дружит с головой.

— То есть ты хочешь сказать, что муж твоей пациентки – это и есть Олег? Что он перевоплотился, или сделал пластическую операцию, или...

— Господи, ну, конечно, нет! Я же не сумасшедшая! – не на шутку вскипела Вера. — Это его глаза, но это не он! Да и к тому же, мёртвые не оживают.

Изящная бровь Новиковой выгнулась вопросительной дугой.

— Олега убили в тюрьме. Произошла поножовщина, он ранил сокамерника, и тот убил его его же оружием, — Вера невесело ухмыльнулась. — Признаюсь, иногда я желала ему смерти, но когда его не стало, испытала чувство вины. Будто он умер из-за меня.

— Ты не думала о том, что намеренно нашла в образе этого мужчины общие черты с обидчиком из прошлого? Что ты испытываешь к нему – мужу своей пациентки? Злость, агрессию, может быть, жалость?

Вера пожала плечами, вспомнив его прикосновения в тёмном коридоре, его жгучие взгляды... Вспомнила его чётко очерченные губы и краешек татуировки из-под расстегнутого ворота рубашки. Тело окатило предательским жаром.

— Я боюсь его, и в то же время... — она вновь протяжно выдохнула и опустила лицо на ладони, с силой массируя виски. — Нет, наверное, я всё-таки схожу с ума. Я вижу в лице живого человека черты мёртвого. Я не хочу видеть их, но вижу! Меньше всего мне хотелось бы, чтобы именно он напоминал мне Олега, но он мне его напоминает, чёрт возьми!

Юлия Николаевна открыла тощую карточку и деловито сделала пару записок.

— Ты принимаешь сейчас какие-нибудь препараты?

— Хотите сказать, что я ловлю глюки?

— Вера, я просто хочу во всём разобраться, пожалуйста, помоги мне это сделать, — мягко произнесла психотерапевт.

Донская закрыла глаза, осознавая, что это провал. Прийти сегодня сюда было в корне неверным решением. Если раньше ей просто казалось, что она тронулась умом, то теперь она в этом была практически убеждена.

Слова мозгоправа в этот раз не помогли, а только ещё больше запутали.

Получив рецепт на сильнодействующее снотворное и талон на следующий приём, Вера вышла в нарочито жизнерадостный коридор. Тошнотворно-весёлый.

Мазнув взглядом по сидящей напротив кабинета анорексичке, бросила талон в урну и уверенно двинулась к лифту.

В этот раз она сама должна разобраться в своей голове.

К вечеру температура резко упала до нуля, превратив остатки снега в грязную жижу. Не обращая внимания на промокшие ноги, Вера шлёпала по чвакающим лужам и, подойдя к знакомой пятиэтажке, подняла голову вверх. В окне, под самой крышей, уютно горел свет, заметив её, Сашка приветливо помахал рукой.

Губы растянулись в улыбке. Не наигранном оскале, а самой настоящей улыбке. Живой, искренней.

Здесь ей всегда рады. Здесь её всегда ждут.

Знали бы они...

— Здравствуй, Верочка, замёрзла? — Мария Тихоновна широко улыбнулась, принимая пальто из рук гостьи.

— Нет, там сегодня сыро, но тепло, — осмотрелась по сторонам. — А где...

— Тоже мне — зима, да?

Вера обернулась: в дверном проёме нарисовался Сашка. Светлые вихры торчали в разные стороны, два бездонных озера смотрели с неподдельным обожанием.

— Я рад, что ты снова выкроила для меня кусочек своего драгоценного времени.

— Сынок, ты бы хоть побрился — гости же, — по-доброму пожурила Мария Тихоновна, но Сашка только лишь отмахнулся:

— Верке нравятся бруталы, да, Вер? Мам, мы ко мне в комнату! Не ломись.

Жемчуг белоснежных зубов вскрыл голову. Настоящий красавец!

— Я вам сейчас чаю принесу, и пирог черничный — вот-вот будет готов.

Вера показала «класс» и последовала за Сашкой в его светлую просторную комнату. Минимум мебели — кровать, письменный стол, шкаф и заставленная бесчисленными кубками и ленточками с медалями книжная полка.

И грамоты. Невозможное количество грамот: «Высшая лига», «За победу в открытом чемпионате по футболу», «Лучший игрок Премьер-Лиги».

Первое место, первое место, первое, первоепервоепервое...

В грудь вонзился пылающий факел всепоглощающей вины — она заполонила собой всё её нутро, всю эту комнату, весь этот чёртов город.

— Эй, ты чего застыла, красотка?

Обернулась, всеми силами сгоняя с глаз мутную пелену.

Он мог бы запросто стать моделью. Легко. Покорять подиумы, сражая наповал женщин. Высокий, статный, умопомрачительный блондин.

Он мог бы многого достичь.

— Чем сегодня займёшься? – растянула губы в улыбке, надевая привычную невидимую маску.

Часть 25

Стылый ветер забирался под воротник зимнего пуховика, в лицо били острые иголки снега. Вера, обхватив ладонями огромную коробку с медикаментами, не видя перед собой дороги, тащила ящик к дому Крестовских.

Парень из службы доставки не потрудился донести до двери, сунул под нос бумагу на подпись и был таков.

Казалось бы – шприцы, упаковки салфеток, стерильные наборы для ингаляции, а весят словно кирпичи!

От принятых снотворных кружилась голова, чёрт дёрнул принять препарат на ночь перед работой. Да, спала она как убитая, без сновидений, но наутро буквально не могла продрать глаза.

Она устала, выдохлась, мама права – она не вывозит. Ей нужен отдых. Смена обстановки, нужен здоровый сон, в конце концов.

Под носок ботинка попала обглоданная псами палка: вцепившись в коробку, Вера полетела плашмя на мёрзлую землю, больно ударившись подбородком о ледяную корку.

Матерясь под нос, медленно поднялась на колени и уткнулась взглядом в чёрные полы драпового пальто.

Растянуться прямо у ног Туманова, что может быть лучше!

Не теряя самообладания, горделиво отряхнула с оцарапанных ладоней налипший снег.

— У вас тут... — он коснулся тонкими пальцами своего покрывшегося густой щетиной подбородка.

Мазнула рукой по лицу и только потом заметила на снегу несколько алеющих капель. Ладонь тоже была в крови.

— Идёмте, нужно обработать рану, — Туманов поднял с земли упакованные в пластиковый короб медикаменты и уверенно зашагал к дому.

Ощущая себя невероятной идиоткой, Вера поплелась следом. Плевать ей было на какую-то царапину, но то, что она упала перед ним – не что иное, как проклятие какое-то.

Поднимаясь вслед за ним вверх по лестнице, сама того не желая, испытывала внутренний трепет. И ведь не хотела же видеть его после того унижения в клубе, а увидела – и испытала что-то похожее на осторожную радость. Абсолютно иррациональную, глупую, но видеть перед собой его широкую спину было приятно и очень волнительно. Его образ завораживал, а тайна его прошлого вместо того, чтобы оттолкнуть, притягивала ещё сильнее. Вопреки всякому здравому смыслу.

Что это, если не помутнение рассудка? Может, всё-таки зря она выбросила талон на следующий визит к Новиковой...

Назар толкнул дверь ногой и вошёл в комнату Ларисы. Поставив коробку на комод, повернулся к застывшей у входа Вере:

— Дайте я посмотрю, — протянул руку и легко приподнял большим пальцем её подбородок.

Его ладонь была тёплая, даже горячая – и это обескуражило. Мужчина с ледяным взглядом и поступью призрака оказался живым, из плоти и крови.

Прищуриив демонические глаза, будто невзначай коснулся пальцами шеи.

Его близость, словно мощный квазар – прошила насквозь, оставляя в грудной клетке зияющую дыру.

— Нестрашно, небольшое рассечение, — констатировал он и осмотрелся. — Здесь есть перекись?

Вера выдвинула ящик с аптечкой и, не оборачиваясь, бросила через плечо:

— Не знала, что вы врач.

— Я не врач.

— А кто вы? — обернулась, стараясь хотя бы в этот раз не сдаться раньше времени — выдержать натиск его пронзительного взгляда.

Серая сталь лезвием прошлась по её лицу, плечам, кончикам волос...

Оставив вопрос без ответа, Туманов забрал продолговатый флакон, открыл крышку, плеснув содержимое на ватный шарик. Подойдя ближе, осторожно провёл тампоном по раненой коже.

Она запросто могла бы сделать это сама, но почему-то даже не подумала сопротивляться.

Сегодня его взгляд был другим, более мягким, каким-то... земным. Не было затаённой агрессии, неприкрытой вражды.

А может, этого действительно не было, и она всё придумала?

Растворившись в гипнотическом трансе завораживающего момента, Вера стрельнула краем глаза на Ларису. Та лежала на кровати, по грудь укрытая одеялом, разглядывая неподвижными глазами тени на потолке.

Это было так странно — его жена здесь, в этой комнате, а он трогает другую женщину. Пусть и с целью просто оказать помощь, пусть практически не касаясь, но, чёрт возьми, как же это было эротично...

Четко очерченные губы слегка приоткрыты, на щеках тень от полуопущенных ресниц...

Хотелось запустить ладонь в его шевелюру, вызвать хоть тень улыбки на надменном лице, стянуть маску, которую он носил не снимая — впрочем, как и она сама. Его бешеная энергетика пульсировала в воздухе, и, видит Бог, Вера отчётливо слышала щелчки электрического разряда, когда он легко касался кончиками пальцев её травмированной кожи.

Она прикрыла глаза, невольно представив его полностью обнажённым где-нибудь на огромной кровати в одной из комнат этого мрачного склепа.

Представила, как блестит его покрывшаяся испариной кожа, как он глухо стонет, неистово толкаясь в неё всё глубже, как бугрятся мышцы рук, принявших на себя всю мощь его веса...

— Больно? — тихо проговорил он, рассеивая тем самым волшебство момента.

Вера распахнула глаза, возвращаясь с небес на грешную землю.

— Что?

— Больно? Вы стонали.

О, чёрт! Какой позор! Жгучая лава стыда залила вмиг ставшие пунцовыми щёки.

О чём она только что думала?

Он ненормальный, псих! Возможно, убийца и уж точно альфонс. Он чужой муж!

Да и он совсем не был в её вкусе, ей нравились другие мужчины — открытые, с хорошим чувством юмора и прозрачным прошлым, такие, как Ненахов. Но вопреки всяческой логике, закон притяжения срабатывал именно к этому окутанному вуалью тайны странному призраку.

— Будьте впредь более аккуратны, смотрите под ноги.

И всё, нет чарующего голоса, нет томно приоткрытых губ, нет проблеска человечности во взгляде. Это снова был он: холодный, надменный, с глазами цвета расплавленной ртути.

Его глазами.

Хлопнув дверью, Туманов покинул комнату, оставив её одну мучиться от разрывающих на части безумных мыслей.

Только что она представляла секс с человеком, который пугал её, который её унизил. Но она хотела его, проклятое тело отзывалась на его прикосновения, она хотела, чтобы он зашёл дальше... она позорно ждала, что он зайдёт дальше...

Вера подошла к окну, пытаясь разглядеть сквозь снежную завесу его темнеющий силуэт. Она знала, что он точно так же стоит у окна.

Она чувствовала его взгляд.

Часть 26

— Кофе? – пластиковый стаканчик приземлился на идеально чистую поверхность стола. Вера благодарно подняла глаза на Лёшку.

— Есть всё-таки в мире какое-то постоянство, Ненахов. Не представляю начало смены без наших посиделок.

Горячий пластик обжигал пальцы, бодрящий аромат будоражил до конца не проснувшийся мозг.

Ненахов сел на старый скрипучий стул и прислонился спиной к стене. Не скрывая любопытства, уставился на Веру, всем своим видом показывая, что теперь у них есть маленький секрет.

Вера не жалела о том поцелуе, нет, но если бы можно было вернуть время назад, не стала бы этого делать.

Да, в этом не было ничего такого – они взрослые люди, могут целоваться и даже заниматься сексом без обязательств, но вот только зачем? К тому же, как раз таки именно потому, что они давно не дети, то оба должны серьезнее подходить к выбору партнёров. К человеку должно как минимум тянуть, но увы, томный взгляд с прищуром и модельная внешность Ненахова не производили на неё того эффекта, которого бы он хотел.

Разглядывая Веру, Лёшка качнул головой и неопределенно хмыкнул.

— Это ты к чему? – задала резонный вопрос, отпивая обжигающий эспрессо.

— Да так... — сминая пальцами обрывок розовой бумаги, снова хмыкнул он. — Не понимаю я тебя, Донская, по шкале странности ты точно заняла бы первое место. Невозможно понять, что творится в твоей голове.

— Зато ты как на ладони.

— Да ладно? – вскинул бровь, превращая кусочек бумаги в шарик.

— Да-да, ты прозрачен, как никто. Более чем уверена, что знаю, как ты проводишь каждый свой вечер.

— Ну-ка, очень интересно, — подался вперёд, не скрывая любопытства.

— Ну а что тут говорить? Смена, после смены бутылка пива и сон. Вечером какой-нибудь шумный бар, посиделки со студенческими друзьями, флирт с очередной блондинкой в мини, проснешься ты тоже с ней и, взяв номер телефона, никогда не позвонишь. Пару раз в месяц поездка к родителям в Одинцово, шашлыки на даче... И так по кругу, скукотища, — Вера сделала ещё глоток, наблюдая за его реакцией. — Ну как, в точку?

Ненахов криво улыбнулся, раскатывая пальцем по столу розовый бумажный кругляш.

— Колись, ты что, следила за мной? – поднял на неё свои сумасшедшие синие глаза, и Вера ещё раз отругала себя за то, что не умеет выбирать мужчин. Ну ведь красавец же! И чего ей надо...

— На самом деле ты хороший, Лёшка, только зачем-то скрываешься под маской плохого парня.

— Все мы носим какие-то маски. Да, Вер?

Донская отвела взгляд, делая вид, что изучает облысевшие деревья за окном.

Нет, это исключено. Он точно не знает о Матильде.

Повернулась, нарисовав открытую улыбку.

— На самом деле моя жизнь ещё скучнее, Ненахов. Ты хоть успеваешь таскаться по клубам, а у меня только работа, работа...

Видавший виды старенький смартфон завибрировал в кармане, Вера нашарила трубку и бросила взгляд на экран: Вазген. Вот его она точно хотела бы сейчас слышать меньше всего.

— Прости, у меня тут... — скривилась, всем видом показывая, что предстоит неприятный разговор. Лёшка понимающе кивнул и, отщёлкнув пальцами идеально ровный бумажный шарик, вышел из ординаторской.

Вера подошла к окну и приняла вызов.

— Детка, ты не забыла, что сегодня я жду тебя к десяти? В прошлый раз ты так резво убежала.

— Вазген, прости, я не выйду, — по стеклу бежал конденсат, собираясь на пыльном пластике в холодные лужицы.

— То есть как это – не выйдешь? Ты же прекрасно знаешь, декабрь – аншлаг!

— Прости, но я правда не могу. Я устала, к тому же нашла другую работу, я же тебе говорила.

— Да мне похеру! – взвизгнул он и громко шмыгнул носом. – Ты же знаешь, что сейчас мне некем тебя заменить, твой номер - гвоздь вечера!

— Ты же говорил, что у тебя там очередь из сисястых студенток, так выбери кого-нибудь.

Вазген сипло выдохнул в трубку и произнёс по-отечески миролюбиво:

— Малышка, давай забудем старые обиды, о'кей? Ну что мы как не родные с тобой? Сколько мы уже вместе?

— Почти три года.

— Ну вот – целых три! Шутка ли.

— Вазген, я всё решила – я больше не выйду. Никогда. Пусть Золоторёва выступает с моим номером, тем более, она хотела, — прозрачная капля одиноко стекла на подоконник.

— Если бы я хотел Золоторёву, то танцевала бы Золоторёва! – раздражённо буркнул он. – К тому же, она тоже прогуливает – погрязла в новой любви с каким-то плебеем. Вы что, сговорились все?

— Увы, ничем не могу тебе помочь, я всё решила. Извини, мне капельницу пора менять, — нажала сброс и, подумав, совсем отключила телефон.

Даже дышать стало легче. Неужели всё? Не нужно больше терпеть эти унижения, превозмогая брезгливость, ощущать на своём теле похотливые взгляды и прикосновения влажных ладоней? Давно пора развязаться с этим! И Нину надо вытаскивать.

Хотя Вера обречённо понимала, что если бы не работа у Крестовских, то вряд ли она решилась бы на такой отчаянный шаг. Ей нужны были деньги. Много денег. Работая медсестрой в заурядной больнице, никогда не заработаешь даже на приличный пуховик, не то что на осуществление задуманного.

А вдруг Ларисе станет хуже, а вдруг она... Мысль неприятно покорибила. Цинично, конечно, но, наверное, Вера как никто желала сейчас своей подопечной крепкого здоровья. Просто если Ларисы не станет, она лишится прибыльного места работы, а этого никак нельзя допустить. Пока нельзя. Не сейчас.

На улице сыпал мокрый снег, облепляя стекло белыми мокрыми кляксами.

Мигая маячком, к главному входу подъехал реанимобиль: из дверей оперативно выскочили два медбрата и за считанные секунды выдвинули каталку. Очередной пациент на грани жизни и смерти. По её душу. И почему все самые безнадёжные попадают именно в её смену?

Сунув телефон в карман, Вера пошла к выходу, как вдруг взгляд зацепился за розовый бумажный шарик. Вот что она терпеть не могла, так это грязь на рабочем месте! До зубовного скрежета.

Наклонилась и подняла брошенный Ненаховым кругляш.

Ожидая нового больного, зачем-то развернула скомканную бумагу и бросила взгляд на выведенные синей ручкой цифры. Похоже на чей-то номер телефона. ...11-11, что-то отдалённо знакомое.

С гудением подъехал лифт, лязгнули железные двери. Громокая каталкой, Денис с Павлом, громко перешучиваясь, приправляя неуместный чёрный юморок отборным русским, повезли очередного «полужмурика» в отделение.

Выбежала старшая смены, тут же нарисовалась санитарка с тряпкой, убирая с кафеля следы растаявшего грязного снега. Вера смяла бумажку и, бросив в урну, присоединилась к общей суете.

Часть 27

Зима в этом году разбушевалась не на шутку – на смену короткой оттепели пришли свирепые морозы. И снег, горы снега! Коммунальные службы не справлялись – по утрам Вере приходилось пробираться через огромные снежные насыпи. Транспорт ходил с перебоями, застревающая в полуторакилометровых пробках, на черепашьей скорости объезжая очередного лихача на разбитой машине, не сменившего резину на зимнюю.

Вот и сейчас Вера плелась на автобусе до дома Крестовских, наблюдая сквозь оттаявшую лунку на стекле последствия автомобильной аварии. Слава Богу, никто не пострадал: водилы стояли у своих помятых тачек, разговаривая каждый по телефону.

Вера в который раз убедилась, что правильно сделала, когда отказалась от колёс – кому нужен этот ежедневный риск? И всё чаще её стали посещать мысли продать автомобиль. Она больше не сядет за руль, никогда, так зачем заставлять колымагу ржаветь?

От груза прошлого нужно избавляться!

А ещё после визита к психотерапевту, после того, как Вера рассказала, что её тревожит, наконец-то прекратились кошмарные сны. Возможно, свою роль сыграл и приём слабенького транквилизатора, который она прописала сама себе. Снотворное Новиковой превращало её в подобие Ларисы – существо со стеклянными глазами. Откуда уж тут черпать энергию, если половину дня отходишь от приёма препарата?

Выпрыгнув на остановке, поплелась по заваленной снегом тропинке к дому Крестовских.

В течение двух своих положенных выходных Вера честно пыталась выкинуть из головы Назара. Старалась не вспоминать его пронзительный взгляд, тепло его ладоней на своей коже, старалась засунуть поглубже воспоминания о своих ощущениях, когда он находился рядом... Но каждый раз, касаясь пальцами затянувшейся ранки на подбородке, против воли вспоминала. Додумывала, фантазировала, испытывая мучительный стыд за свои мысли.

Женатые мужчины для неё табу! Но почему-то она так и не могла выбросить его из головы, стоило только вспомнить... хотя, как можно вспомнить того, кого и не забывала.

Вера поймала себя на мысли, что только и делала, что думала о нём, а та ночь в «Магнолии», когда он унизил её – вместо того, чтобы оттолкнуть, наоборот ещё сильнее её к нему привязала. Даже его глаза, взгляд, который так сильно пугал её вначале, сейчас уже не казался таким зловещим.

Вера побеждённо признала, что испытывает к нему непонятную тягу, совладать с которой она, увы, пока была бессильна.

Наверное, это от того, что в её жизни давно не было мужчины – инстинкты требовали своего, выбрав объектом вожделения почему-то именно Туманова. Она грешным делом даже подумала, а не согласиться ли на свидание с Лёшкой, но сразу же отсекла эту нелепую мысль. Это глупо, и уж точно ничего не решит, а проблем как раз таки наоборот – прибавит. Она достаточно взрослая, чтобы идти на поводу у глупых инстинктов, она же не примитивное животное, в конце концов.

У ворот, орудуя огромной лопатой, чистила снег Анечка. Щёки её покраснелись, из-под капюшона выбились рыжие пряди.

— Привет, Вер, ну и погода, да?

— А ты почему сама? Мужчин в доме нет?

Аня пожала плечами и широко улыбнулась.

— Не-а. А, и пофик, всё лучше, чем пельмени лепить с мамкой, — вонзила лопату в горку снега.

— И что, тут каждую зиму так? — кивнула на толстый слой белоснежного покрывала.

— Ага, бывает и хуже. Это в городе всё быстро тает, а тут дом в низине – на заднем дворе снег лежит чуть ли не до начала мая.

Перекинувшись с девушкой ещё парой незначительных фраз, Вера протиснулась за ворота. Обернулась и едва не спросила, а где Назар, но вовремя себя остановила. Уж кому-кому, а горничной об её интересе знать точно не обязательно. Да и в конце концов, какая разница, где он?

Утопая по колено в снегу, пробиралась к величаво возвышающемуся дому. Старый фонтан практически скрылся под белоснежной шапкой, статуи грациозных дев у входа завистливо проводили её высеченными из камня глазами. Кажется, зима им уже осточертела, хотя ещё и не успела толком начаться.

Вера мазнула взглядом по окну на втором этаже левого крыла. Темно, занавески глухо зашторены. Интересно, он дома?

Поднимаясь по ступеням, заметила глубокие следы. Это точно не её и не Анечки – у той ножка кукольная, эти же были большими, с чётко выраженным «тракторным» рельефом. Углубления шли от входной двери, вниз по порожкам, и далее тянулись за угол правого крыла.

Совсем свежие, кто-то вышел из дома только что...

Чёрт дёрнул Веру развернуться и пойти по следу. Аккуратно ступая в вытоптанные ямки и как вор озираясь по сторонам, уверенно двигалась вперёд.

Куда она идёт, зачем? Даже если их оставил Назар, её это не касается! Да и вообще, это, скорее всего, кто-то другой... Хотя версия была откровенно притянута за уши – из мужчин в доме был только Туманов.

Что ему понадобилось за домом в такое раннее время, да ещё и в такую погоду?

Кровь шумела в ушах, сердце безудержно колотилось, отбивая чечётку внутри грудной клетки. Страшно, стыдно... но дико интересно.

Повернув за угол, Вера увидела заброшенный сад: разного размера облысевшие кустарники, наполовину разрушенная беседка, покрытая паутиной трещин старая теплица.

И тут она увидела его, вернее даже, сначала услышала – глухие удары лопаты о мёрзлую землю. Грязные комья отлетали в сторону, покрывая снег черными ошметками. Это точно был Назар – в камуфляжной куртке и тяжёлых берцах он с силой вонзал в сугробы лопату, раскапывая глубокую яму. Волосы растрепались на ветру, застилая глаза упавшей челкой, бледная кожа щёк покрылась румянцем.

Он стоял полубоком и, казалось, совсем не замечал пристально наблюдающей за ним пары глаз.

Вдоль позвоночника пробежал неприятный озноб. Как-то это выглядело всё зловеще... Но то, что Вера увидела потом, на земле, за горой снега, повергло её в неопишуемый шок – что-то длинное в чёрном полиэтиленовом пакете, плотно перемотанном скотчем.

Вера видела подобные пакеты сотню раз – точно такие же у них хранились в шкафчиках морга.

Зажав рот ладонью, издала безмолвный крик; попятиться назад, наступив на всё ту же чёртову обглоданную собаками палку.

Запутавшись в собственных ногах, едва не упала, наделав непозволительно много шума. Удары лопаты прекратились, повисла мёртвая тишина. Сердце стучало так, что, казалось, вибрировала почва.

Не страх – ужас сковал по рукам и ногам. Там чей-то труп! Назар хоронит кого-то прямо за собственным домом!

Раздался хруст снега – он приближался.

Забыв об осторожности, повинувшись лишь инстинктам самосохранения, Вера что есть силы побежала обратно к дому.

Часть 28

Распахнув дверь, рванула вверх по ступенькам, спотыкаясь и едва не падая, вломила в комнату Ларисы. Анжела вздрогнула и громко выругалась.

— Чуть инфаркт не стукнул! Чего долго так?

— Электричка... задержалась... — от быстрого бега лёгкие горели огнём, волосы прилипли к вспотевшей шее. Удары колотящегося сердца заглушали посторонние звуки, и ей казалось, что с минуты на минуту здесь появится Туманов. Но в коридоре было тихо: ни хлопков дверей, ни торопливого топота ног.

— В общем, я побежала, звони, если что. До вечера, — Анжела повесила на плечо сумку и прошмыгнула в звенящую тишину коридора.

Вера молча кивнула и так и осталась стоять в центре комнаты, приводя дыхание в порядок.

Что это было? Что это, мать твою, было?? То, что она увидела, просто не могло происходить в реальности. Это не лихие девяностые и не второсортное кино о гангстерах – не мог же он вот так запросто закапывать труп на заднем дворе собственного дома! И чей труп? Это какое-то сумасшествие!

А может, ей вообще это всё показалось?

Может, у неё действительно едет крыша?

Скинув пуховик, рывком раскрыла сумку и вытряхнула содержимое на кресло. Среди горки косметики белел тюбик транквилизатора. Дрожащими пальцами изучила аннотацию на обороте:

Побочное действие – галлюцинации, спутанность сознания, подавление ЦНС...

Ну вот, всё верно – поплыл чердак! Вот что значит прописывать препараты самостоятельно.

Ей действительно было проще списать всё на помутнение рассудка, чем поверить собственным глазам. Увиденное было настолько ужасно, что мозг просто отказывался принимать такую действительность.

И тут же перед глазами появился его холодный взгляд – взгляд решительного человека, способного на многое.

Даже на хладнокровное убийство?

Нет, это уже чересчур! Это просто бред какой-то.

Вера не могла найти себе место: ходила из угла в угол по комнате, то и дело выглядывала в окно, то бралась за телефон, то убирала обратно в карман.

Может, стоит позвонить в полицию, и пусть они сами разбираются? Она видела этот чёртов мешок, перемотанный скотчем. Видела! Он лежал на снегу! Она не сумасшедшая!

Абсолютно всё было против Туманова: что он делал за домом? Зачем копал яму? Уж точно не цветы сажал! И он заметил её, шёл по следу, но почему-то потом передумал.

В коридоре что-то с оглушительным грохотом упало, и Вера вскрикнула от ужаса. Осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу: репродукция Ганса Мемлинга валялась на полу, осколки стекла засыпали ковровую дорожку.

Танцующий на обнаженных телах дьявол в пылающем огне... Сквозь сетку трещин демон с насмешкой взирал на Веру, а надпись на латыни заставила её зайти в немом крике.

«In Inferno nulla est redemptio»

В аду искупления нет.

Вера захлопнула дверь и уставилась безумными глазами на Ларису. Что это, если не знак? Знак того, что она неминуемо будет кипеть в том котле.

Паранойя, признаки начинающейся панической атаки – она проходила через это три года назад, и вот всё вернулось! Туманов стал спусковым крючком, он появился в её жизни и потревожил заскорузлые под коркой времени больные воспоминания. Возродил её потаённые страхи.

Она вспомнила тот сарай, Олега, пережитый ужас, гнобление, унижения... Вспомнила события прошлых лет.

Дверь резко распахнулась, и от неожиданности Вера взвизгнула.

— Ты чего орёшь как потерпевшая? – на конопатом лице растянулась широкая улыбка. Аня держала в руках совок? полный осколков. – Это кто картину о пол шмякнул?

— Сама... — словно чужим голосом вытолкнула из себя Вера.

— Опять барабашка бушует.

— Кто?

— Призрак, — будничным тоном бросила горничная. – Говорят, Крестовский в своё время многих конкурентов порешил, а одного даже нашли мёртвым в его кабинете.

— Чего?

— Да-да, там, в левом крыле, — кивнула на окно Аня. – Тут частенько что-то падает, вечно всё ломается, краны текут – полтергейст, не иначе. Слу-ушай, а ты ужастики любишь? Может, посмотрим вечером «Изгнание демона»?

— Это, Ань, мне Ларису кормить пора... — выдавила Вера.

— Бедняжка, — Анечка взглянула на прикованную к креслу безмятежную Ларису и сочувственно покачала головой. – Ну Назар. И как ему после такого по свету белому ходится?

— А может, это не он вообще? – осторожно начала Донская. – Ну, глупость же. Зачем ему её калечить...

— Ну, ты как маленькая, ей-богу. Конечно он, денежки её хотел захватить, да вот осечка вышла – не добил.

— Аня!

— Да точно тебе говорю. В кабинете Крестовского настоящее медицинское заключение лежит, за семью замками, уверена, там чёрным по белому – у-ду-ше-ние. Ладно, пойду, мне ещё пропылесосить на первом этаже нужно.

Хлопнула дверь, след горничной испарился.

До самого вечера Вера была сама не своя: пыталась почитать любимого Ремарка, да только строчки плыли перед глазами, теряя ускользающий смысл. Все мысли только об одном – Назар, Назар, Назар. Черный полиэтилен, следы на снегу, удары лопаты о мёрзлую землю...

— Не могу так больше, не могу! – в сердцах бросила вслух и поднялась с кресла.

Нужно всё выяснить, нужно пойти и посмотреть!

Не давая себе шанс передумать, быстро накинула пуховик, застегнула дрожащими пальцами пуговицы. Достала из ящика ярко-желтый фонарь и сунула в карман.

Открыв дверь, прошмыгнула в зловещий своей пустотой коридор. Вместо картины на стене светлел отличающийся по цвету от тона обоев прямоугольник. Чудовищная была картина, как такие вещи вообще дома можно держать! Хотя домом это назвать трудно...

Ступени лестницы натужно скрипели, портреты людей провожали её угрюмыми взглядами.

Я просто посмотрю! Просто посмотрю! Я должна убедиться, что никакого трупа там нет и не было!

На улице было совсем темно, два блеклых фонаря у входа едва освещали засыпанные снегом ступени.

Шаг за шагом Вера преодолевала расстояние до теплицы за домом, и с каждым пройденным метром поступь её становилась всё увереннее, мысли прозрачнее.

В крови бурлил кипучий адреналин, даже страх отошёл на второй план.

Сейчас она поймёт, что это было всего лишь дурацкое недоразумение! Она посмеётся над собой и со спокойной душой пойдёт дорабатывать смену. А транквилизаторы спустит в унитаз.

Вера повернула за угол, и ноги словно приросли к земле.

Круглая луна на черном небе, плодовые деревья под шапкой снега, сломанная беседка... и маленький чёрный холмик с грубо сколоченным крестом из еловых веток.

Часть 29

Вера не помнила, как добрела обратно до дома. Ноги подкашивались, и в голове только одна мысль – там крест! Чья-то могила! Назар действительно похоронил кого-то на заднем дворе.

Он опасен. Он убийца. Его нужно изолировать от общества!

Стараясь ступать как можно тише, поднялась на второй этаж и, не заходя в комнату, достала из кармана телефон. Непослушными пальцами разблокировала экран, открыла папку «сохранённые фотографии». Смазанное изображение чьей-то неприкаянной души под толстым слоем земли... Как доказательство того, что она не сошла с ума.

А ведь она считала себя настоящим монстром, но Туманов... Это насколько нужно быть циничным, чтобы вот так, среди белого дня хоронить кого-то за собственным домом! Он псих, маньяк!

Документы. Аня сказала, что в кабинете Крестовского хранится оригинал медицинского заключения Ларисы. Вера решила, что просто обязана их найти и узнать всю правду о том, что же произошло с бедной женщиной.

Какая-то частичка души противилась, отказываясь верить в то, что только что видели её глаза. Она видела могильный холм, но продолжала его выгораживать.

Она такой же псих, как и он.

Убедившись, что коридор по-прежнему пуст, торопливо направилась в левое крыло дома – сейчас или никогда! Нужно хотя бы отыскать кабинет, посмотреть, что там за замок. Сидеть сложа руки ещё хуже.

Левое крыло практически ничем не отличалось от правого: пыльные репродукции, тяжёлые бордовые портьеры, красная дорожка ручной работы.

Мрачность. Запустение. Холод.

Вера аккуратно дёргала дверные ручки, но абсолютно каждая комната была закрыта. Все до единой! И где кабинет Петра Васильевича?

Вдруг витая сталь поддалась под нажимом её ладони – дверь с тихим скрипом приоткрылась. Огромная библиотека. Сотни, тысячи книг! В комнате было темно, и Вера видела лишь очертания многочисленных стеллажей, уходивших ввысь до самого потолка.

Массивное кресло у окна, потухшие светильники на стенах.

Интересно, как долго сюда никто не входил? Судя по затхлому запаху – плесени и отсыревшей бумаги – несколько лет.

Вера с детства обожала читать, и в другое время бы с удовольствием изучила настоящую сокровищницу этого неприветливого дома, но не сейчас, когда мысли заняты совсем другим. Она пришла сюда с единственной целью – найти кабинет Крестовского.

Тихо покинула библиотеку и пошла дальше по коридору, против воли чуть дольше задержавшись возле двери, где по её мнению находилась спальня Туманова.

Потрогала рукой гладкое дерево, холодный металл изогнутой ручки. Прислушалась – ни звука. Любопытство взяло верх: она наклонилась и прильнула глазом к замочной скважине. Внутри горел тусклый свет, словно кто-то оставил на столе зажжённую свечу. Сердце пустилось вскачь – это точно его спальня и, похоже, он там.

Первой мыслью было бежать стремглав, но...

— Вера? Что вы здесь делаете?

Внутри словно оборвался удерживающий позвоночник трос. Скелет размяк, превратившись в маслянистую жижу, рваный полувдох застрял где-то в горле.

— Вы что, подсматриваете?

Он не кинулся её душить, не вонзил в спину нож, не прислонил к носу платок, пропитанный хлороформом. Уже хорошо. Но он точно знает, что она всё видела.

Вера медленно разогнулась и обернулась на Туманова. Брызги серебристой ртути окатили с головы до пят, оставляя на коже пылающие ожоги.

— Я тут... искала... — язык словно распух, мешая произнести хоть слово.

— Что вы искали?

Насмешка? Его глаза улыбались. Уголки губ же были опущены.

— Я искала... библиотеку. Хотела что-то почитать, чтобы скоротать время...

— А вот врать нехорошо, — он сделал шаг, практически пригвоздив её к двери. Уже было окрепший позвоночник снова потерял свою прочность, ватные колени предательски подогнулись. — Я видел, как вы только что вышли из библиотеки. Позвольте спросить, что вы там делали? Что вы вообще здесь делаете?

Его лицо было так близко, это и пугало, и в то же время... как же он её манил.

Рядом с ним не работали законы гравитации, рядом с ним отключался мозг, рядом с ним инстинкты вопили во весь голос, перекрикивая доводы разума.

— Я тут просто...

— Что – просто, Вера?

Ещё шаг, и он уже опасно близко. Высокий, пугающий, разрушающий своей мощью... Кончики её груди под тонкой тканью свитера касались его рубашки; она дрожала – то ли от страха, то ли от ошеломляющего желания.

Мало воздуха. Нечем дышать.

— А что вы делали утром за домом? И зачем ходили туда же вечером?

— Я... там... там Лариса, мне пора... — попыталась протиснуться, но он лишь сильнее вдавил её в дверь, и теперь она уже ощущала всё его тело: мерно вздымающуюся грудь, крепкие предплечья, бедра.

Тетива напряжения достигла апогея – одно движение, и разнесёт к чертям! Дыхание получалось рваным, силным, губы пересохли.

Убирайся, дура, не смотри в его демонические глаза!

— Мне правда пора, — дёрнулась в сторону, но он ловко схватил её за запястье, рывком притянув обратно. Крепкая ладонь сдавила тонкую кожу, ледяная сталь полосовала по лицу, заставляя снова вспомнить глухие удары тела о заиндевевшую стену бревенчатого сарая.

Это его глаза.

— Пожалуйста! Я никому не скажу! – пропищала так жалко, что самой стало противно.

— Не скажешь о чём? – вторая рука легла на её затылок. Скользнула ниже, коснувшись оголённой шеи.

— О том... о том, что было там...

— Там?

— За домом, на заднем дворе. Я ничего не видела... правда.

— Так значит, ты всё-таки подсматривала? – наматывая её волосы на запястье, повёл бровью, уличая в очевидной лжи.

Затылок неприятно сдавило, как и скованное спазмом страха горло. В бедро упирался его возбуждённый член, и это окончательно лишило разума.

Чувство опасности лишь будоражило фантазию, заставляя тело поддаваться низменным инстинктам.

Он убийца, Вера, очнись же! Возьми себя в руки!

— Да! Я видела всё! – прошипела, уставившись в колючую сталь. — Видела, как ты закопал чей-то труп возле теплицы, и видит Бог, если я выйду отсюда...

— Если?

— Похоронишь меня рядом? – дерзко, опрометчиво.

Он едва заметно усмехнулся.

Горячее дыхание на шее, приоткрытые чувственные губы... Хватка стала слабее, но он продолжал удерживать её силой. Она ощущала, как вибрировал воздух, слышала, как кровь бежит по венам.

— Кто он? – выдержав натиск его взгляда, проговорила практически беззвучно.

— Мой ротвейлер Дик.

— Собака?!

— Он был моим другом.

Скопившееся напряжение вырвалось нервным выдохом.

Собака. Не человек! Это был не человек!

Глаза в глаза, до рези, до слепоты.

— Ты чокнутый. Ты знаешь это? – прошептала, смыкая веки.

— Я такой же, как и ты, — он с силой притянул её ближе и, найдя губами податливый рот, впился несдержанным поцелуем.

Почва ушла из-под ног, боясь упасть, Вера уцепилась пальцами за его рубашку.

Он не глядя ударил ногой по двери, и они ввалились в комнату, путаясь в ногах и едва не падая. Мир вокруг кружился, предметы плясали дёрганными кадрами.

Шкаф, рояль, кровать.

Подняв руки, позволила ему стянуть с себя свитер, нетерпеливо расстегнула... нет, вырвала с корнем пуговицы на него рубашке. На пол со звоном отлетела запонка, ногти впились в напряжённую спину...

Скользнув ладонью по резинке чулок, он резко задрал её юбку и запустил два пальца между её ног. Вера всхлипнула, удерживая его руку там, боясь, что вдруг он прекратит эту сладкую муку... И он прекратил: рывком расстегнув ремень, освободил налитый член и вошел одним резким грубым толчком.

Вера протяжно застонала, спинка кровати громко застучала о стену, смазанным пятном замелькал свет тусклой свечи...

Он не был нежен – не оглаживал её тело, не обводил языком ореолы сосков – он просто трахал её как помешанный, и её заводила его необузданная дикость. Ей нравились его стоны сквозь стиснутые зубы, татуировка на груди, нравилось, как ледяной металл его кулона с каждым толчком касался её пылающей кожи.

Она подалась ему навстречу, обвивая плотнее ногами, в нос ударил запах обоюдного возбуждения.

Движения стали быстрее, дыхание прерывистее; кулон – пробитая старая монета, завис на мгновение перед её глазами, и шокирующая догадка накрыла одновременно со взрывной волной оргазма.

«Идикомне, моялялечка»

«Небойся, всёбудетхорошо»

Закрыв глаза, он протяжно выдохнул, придавив к кровати всей мощью своего тела.

Хруст снега, скрип петель двери старого сарая, шершавые ладони и убегающий силуэт мальчишки в шапке-ушанке в узкой прорехе между прогнившими брёвнами.

Мысль пульсировала в унисон с промежностью, ладонь заскользила по влажной разодранной спине...

Тяжело дыша, Назар поднял голову, и расплавленная сталь затвердела под гнётом её скованного шоком взгляда:

— Это был ты...

Глава 2. Часть 30

— Это был ты!

— Что?

— Это был ты! Ты! – Вера спихнула его с себя ослабевшими ладонями и села, подтянув колени к груди. Между ног томительно пекло, кожу бёдер саднило от его грубых прикосновений.

Перехватила его взгляд: слишком спо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.